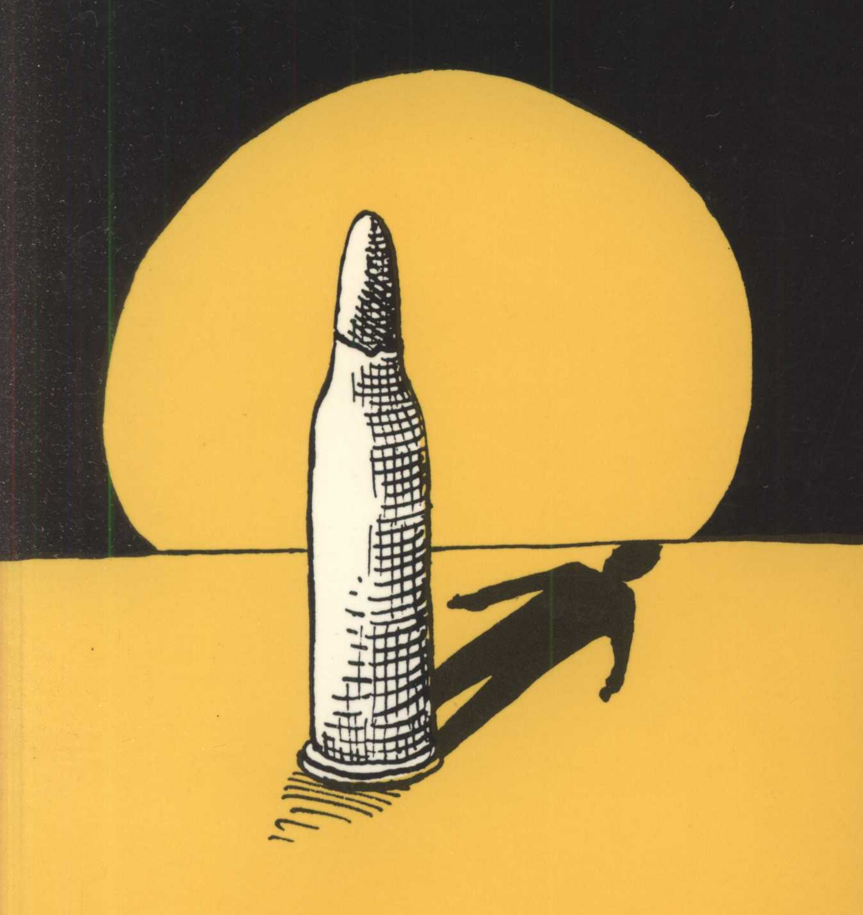
Яков Айзенштат

ЗАПИСКИ СЕКРЕТАРЯ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

ЗАПИСКИ СЕКРЕТАРЯ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Jakob Aisenstat

NOTES OF THE SECRETARY OF THE MILITARY TRIBUNAL

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1991

Яков Айзенштат

ЗАПИСКИ СЕКРЕТАРЯ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1991

Jakob Aisenstat: NOTES OF THE SECRETARY OF THE MILITARY TRIBUNAL

First Russian edition published in 1991
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

ISBN 1 870128 92 3

Cover design by Andrzej Krauze

Printed and bound in Great Britain
by J. W. Arrowsmith Ltd, Bristol

ОТ АВТОРА

В предлагаемой читателю книге раскрывается содержание уголовных дел, в судебном рассмотрении которых я принимал участие в качестве секретаря различных Военных трибуналов Красной армии.

Во время Второй мировой войны мне довелось служить секретарем в Военных трибуналах Ворошиловградского гарнизона (Украина, Донбасс) и 12-й армии Южного фронта, Туапсинского оборонительного района и Черноморской группы войск, кавалерийского корпуса, 36-го района авиационного базирования 5-й Воздушной армии, Армавирского гарнизона Северо-Кавказского фронта, Воронежского военного округа, Московского гарнизона и Московского военного округа.

Военная служба секретарем, а не членом Военного трибунала была связана с тем, что я не был членом партии. Партийность была не-

пременным условием для назначения членом или председателем Военного трибунала. Одного только имевшегося у меня к тому времени законченного высшего юридического образования было недостаточно.

Служба в должности секретаря Военного трибунала вела к тому, что, участвуя в судебном рассмотрении дел, я не имел отношения к вынесению приговоров. Это позволяет в предлагаемой читателю книге объективно, как бы со стороны, излагать содержание всех трибунальских дел и вынесенных по ним приговоров.

Служба в Военных трибуналах Действующей армии предоставила мне возможность ознакомиться с изнанкой войны, с такими событиями, о которых никто и никогда не писал.

Не удивительно, что эти события не освещались в советской печати. Но и в печати свободного мира нет даже упоминаний о многих из них. Такими событиями явились, например, чекистская операция, проведенная сталинским приспешником Берия в 1943 году на Кубани, завершившаяся расстрелом тысяч людей, или акция по уничтожению 315 евреев в станице Успенской Краснодарского края, проведенная начальником волостной полиции Ветровым в 1942 году.

Но написана предлагаемая книга не только для того, чтобы рассказать об этих отдельных событиях. Оказавшись в конце 1982 года на Западе, я убедился в том, что мир вообще не знает правды о деятельности Военных трибуналов Красной армии, о том, как расстрел превратился в этих военных судах практически в

единственную меру наказания, о том, как и за что трибунальская юстиция осуждала на смерть тысячи людей.

Если бы мир не потерял способности удивляться, он должен бы ужаснуться, узнав, какое число людей казнено по приговорам Военных трибуналов Красной армии во время Второй мировой войны.

Я не знаю точного числа расстрелянных, повешенных и не уверен, смогут ли будущие историки, если они и получат доступ к трибунальским архивам, установить общее число казненных.

Я могу свидетельствовать лишь о том, что число казненных определяется многими тысячами. Среди них виновные и невиновные, боевые солдаты и офицеры, храбро сражавшиеся с врагом, женщины и мужчины, проживавшие на оккупированной немцами территории СССР.

Известно, что военные суды и в других армиях и на других войнах не отличались мягкостью, а были чрезвычайными органами, щедрыми на репрессии. Но все это не идет ни в какое сравнение с практикой Военных трибуналов Красной армии.

В чем причина беспримерных масштабов уничтожения людей по приговорам Военных трибуналов именно Красной армии во время Второй мировой войны? Война, как писал Карл Клаузевиц, является продолжением политики другими средствами. Годы советской власти, годы сталинской диктатуры и особенно страшные 1937 и 1938 годы привели к тому, что человеческая жизнь в СССР не стоила и гроша. В

Военные трибуналы Действующей армии в 1941 году пришли в значительном числе судьи, принимавшие участие в массовых репрессиях 1937 и 1938 годов в качестве членов гражданских судов, трибуналов, спецколлегий областных и краевых судов, троек, особых совещаний. Одев фронтовую военную форму, они не только получили возможность продолжать тот сталинский террор, в котором они участвовали в мирное время, но и расширить его во фронтовых условиях, где человеческая жизнь стала стоить еще меньше.

Конечно, не все члены Военных трибуналов были такими. Некоторые стремились выносить справедливые приговоры. Но для судей сталинской выучки сложилась особо благоприятная обстановка.

Гибель на советско-германском фронте многих сотен тысяч людей из-за ошибочных действий Верховного и местного командования, вынужденные громадные боевые потери живой силы в боях с немцами, смерть миллионов советских военнопленных в немецких лагерях по вине Гитлера и Сталина, частые случаи гибели советских солдат и офицеров из-за различных непредвиденных военных обстоятельств, нарушения правил несения службы и правил обращения с боевой техникой – всё это укрепило в таких людях убежденность в том, что человеческая жизнь ничего не стоит.

Кроме того, в условиях фронта, когда каждый готов в любой момент встретить смерть, смертный приговор выслушивался часто относительно спокойно, не вызывая того ужаса,

какой он вызвал бы в мирное время, в спокойной обстановке, когда смерть не стоит у порога. Даже если исходить из того, что смертная казнь допустима, Военные трибуналы Красной армии применяли ее на фронте часто без надобности, без достаточных оснований, как меру общего устрашения.

В отступлении советских войск 1941–1942 годов было виновно прежде всего Верховное Главнокомандование, виноват Сталин. А ответственность за отступление он возлагал на командиров и комиссаров отступающих соединений и в своем приказе № 227 от 28 июля 1942 года грозил им разжалованием и военным судом. Это была не пустая угроза. Тысячи доблестных офицеров и десятки генералов, не виновных ни в чем, были расстреляны Военными трибуналами в соответствии с этим сталинским приказом.

Расстрел для Военных трибуналов Действующей армии стал повседневной мерой наказания. К этой мере с апреля 1943 года прибавилась еще одна мера наказания – смертная казнь через повешение. Она была введена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года "О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников".

Часто войска не имели связи с тылом и приговаривать к лишению свободы вообще нельзя было. Осужденного к такой мере наказания

некуда было отправлять для отбытия наказания. Поэтому можно было приговаривать либо к смертной казни, либо к штрафному батальону. Отправка в штрафной батальон подчас была равносильна смертной казни, ибо штрафные батальоны бросали на самые опасные участки фронта. Приговоры к расстрелу часто приводились в исполнение на передовых позициях, на глазах товарищей по оружию.

Известно и немало случаев, когда приговоренные Военным трибуналом к смерти, в ожидании утверждения приговора, следовали в боевых порядках пехоты или других родов войск, принимали активное участие в боевых действиях и за ратные подвиги освобождались от сурового наказания, грозившего им. Пока человек жив, он всегда может надеяться на спасение, даже приговоренный к смерти. Часто приходилось наблюдать на фронте радость и удовлетворение осужденных к расстрелу, когда Военный совет армии или командование дивизии не утверждало смертный приговор, и они избавлялись от непосредственной угрозы смерти. В бою, даже в тяжком, даже в составе штрафного батальона, всегда у человека сохраняется надежда остаться в живых.

Будучи доктором юридических наук, я на протяжении почти полувека занятий юридической практикой и юридической наукой неоднократно возвращался мыслями к проблеме смертной казни. Как и многие другие юристы, я глубоко убежден в том, что смертная казнь должна быть исключена из уголовных кодексов всех государств мира. Она не нужна и на

войне. Тяжесть наказания никогда и нигде не содействовала ликвидации какого-либо вида преступлений. Не содействовала этому и такая исключительная мера наказания, как смертная казнь. Причины совершения любого преступления чрезвычайно сложны, и для ликвидации преступлений нужны многие социальные меры, нужна неотвратимость наказания, а строгость наказания ничего не дает. Однако в условиях ожесточения военного времени и боевой обстановки смертная казнь часто воспринималась многими как заслуженная и справедливая кара.

Смертная казнь недопустима и потому, что в случае судебной ошибки, а таких ошибок в условиях фронтовой военной юстиции было много, каждый такой случай оборачивается величайшей трагедией.

Всё изложенное в книге основано на материалах уголовных дел Военных трибуналов Красной армии, рассмотренных во время Второй мировой войны.

Фамилии лиц, сотрудничавших с нацистами, не изменены.

ИЗ МОСКВЫ В ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ЮЖНОГО ФРОНТА

Пойдя на сговор с фашистской Германией, Советский Союз вступил во Вторую мировую войну 17 сентября 1939 года, совершив агрессивное нападение на Польшу, а позже предприняв агрессию против Финляндии. Но это было лишь частичное участие. Вторая мировая война обрушилась всей своей тяжестью на СССР 22 июня 1941 года.

Автор этих строк сдавал в июньские дни 1941 года выпускные государственные экзамены в Московском юридическом институте. Сдав экзамены и получив диплом юриста, он был 11 июля 1941 года призван в Красную армию и как имеющий высшее образование послан на курсы Военно-Юридической Академии Красной армии для военной подготовки и направления на фронт. Эта подготовка проходила летом 1941 года в подмосковных лагерях

Военно-Юридической Академии, а в сентябре-октябре 1941 года фронт приблизился к Москве, и Академия заняла оборонительный рубеж в составе 1-го сектора Московской зоны обороны.

Но в октябре же 1941 года последовал приказ Сталина: снять все Военные Академии с оборонительных рубежей под Москвой, перебросить их в глубокий тыл для подготовки военных специалистов, нужных фронту. Для обороны Москвы подтягивались сибирские дивизии.

Транспорта для переброски Академий не было. Военно-Юридической Академии со всем профессорско-преподавательским составом, слушателями и курсантами было приказано 16 октября 1941 года выйти из Москвы и следовать примерно 300 км пешком до города Иваново. В этом городе Академии предоставили большое здание текстильного института на время формирования железнодорожного эшелона. В товарных вагонах 24 дня Академия в ноябре 1941 года проследовала из Иваново в Ашхабад. Там быстро было закончено обучение нашего курсантского батальона.

Мне было присвоено воинское офицерское звание военного юриста и я был направлен в распоряжение Военного трибунала Южного фронта. Из Ашхабада я добрался поездом до Красноводска, оттуда через Каспийское море до Баку и из Баку через Ростов в Донбасс, в город Лисичанск, где тогда находился Военный трибунал Южного фронта. Я попал на фронт в январе 1942 года в период боев за Барвенково и Лозовую.

Первым трибуналом, где я начал службу в

военной фронтовой юстиции, был трибунал Ворошиловградского гарнизона Южного фронта.

В начале 1942 года Ворошиловград (Луганск) был единственным областным центром на Украине, который еще не был оккупирован немцами. В этот период он фактически превратился в столицу Советской Украины. Там находились центральные правительственные и партийные учреждения Украины, там пребывал наместник Сталина на Украине Н. С. Хрущев, лучшие киевские театры, выступали известнейшие украинские певцы Народные артисты СССР Паторжинский и Литвиненко-Вольгемут. В городе, пригородах и близлежащих районах находилось очень много войск. Отступившие со всей Украины подразделения Красной армии в значительной части сосредоточились в районе Ворошиловграда, вошли в состав Ворошиловградского гарнизона и поэтому Военный Трибунал был перегружен делами. Рассматривались обычные дела о воинских преступлениях: о дезертирстве, об уклонении от призыва в армию, о членовредительстве, о злоупотреблении властью, а также дела о попытках перейти на сторону противника, т. е. об измене родине, дела об антисоветской агитации и пропаганде. Об этих делах рассказывается в последующих очерках, опубликованных в этой книге.

НОЧЬ ПЕРЕД МАССОВОЙ КАЗНЬЮ

Одну из ночей весной 1942 года я, будучи секретарем Военного трибунала Ворошиловградского гарнизона Южного фронта, провел в канцелярии Ворошиловградской тюрьмы один на один с корвоенюристом Иваном Осиповичем Матулевичем. Этот генерал юстиции – один из самых страшных палачей XX века – был тогда Председателем Военного трибунала Южного фронта.

Но прежде, чем рассказать о событиях той страшной ночи, следует хоть коротко рассказать о том, где и когда Матулевича стали называть палачом № 2. Об этом я узнал уже после войны.

Известно, что на советский народ суровые репрессии со стороны властей обрушивались в самые разные годы, но не было более страшных лет, чем 1937 и 1938 годы. В репрессиях тех лет наряду с особыми совещаниями, тройками,

спецколлегиями областных и краевых судов важную роль играла система Военных трибуналов. Их роль особо возросла, когда репрессии обрушились на военные кадры от низших до высших рангов. Всю эту репрессивную деятельность Военных трибуналов возглавляла Военная коллегия Верховного суда СССР. Она же непосредственно осуществляла расправу в отношении наиболее выдающихся военных деятелей, политических деятелей, писателей, крупнейших ученых, выдающихся деятелей культуры.

Кровавая история этого военно-судебного органа еще не написана, но известно, что десятки тысяч ни в чем не повинных людей были расстреляны по приговорам именно Военной коллегии. Возглавляли этот палаческий орган в 1937 и 1938 годах Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР Василий Васильевич Ульрих, названный палачом № 1, и его заместитель Иван Осипович Матулевич, названный палачом № 2.

Во время войны И. О. Матулевич был Председателем Военного трибунала Южного фронта, а по окончании войны он опять вместе с В. В. Ульрихом в Военной коллегии Верховного суда СССР участвует в новой волне репрессий, им снова осуждаются невиновные. Подпись И. О. Матулевича стоит под тысячами приговоров, осужденные по которым многие годы спустя уже без его участия были реабилитированы, но реабилитированы посмертно.

Будучи Председателем Военного трибунала Южного фронта, Матулевич постарался включить в оперативный состав подчиненных ему военных

трибуналов как можно больше судей – членов партии, показавших в ходе репрессий 1937 и 1938 годов в составе особых совещаний, троек, спецколлегий областных и краевых судов, военных трибуналов бездумную и беспрекословную верность режиму.

Первое мое знакомство с Матулевичем произошло в январе 1942 года, когда я прибыл в Военный трибунал Южного фронта по окончании курсов Военно-Юридической Академии. Трибунал фронта находился тогда в Лисичанске (Донбасс). Председателем трибунала фронта был тогда И. О. Матулевич, но что представляет собой этот чин, я в то время еще не знал. Я представился ему и увидел перед собой маловыразительное лицо служаки, явно злые глаза, бегающий взгляд. Вместе с тем надменность чувствовалась во всем его поведении. Он назначил меня секретарем Военного трибунала Ворошиловградского гарнизона Южного фронта.

Вторая моя встреча с И. О. Матулевичем состоялась весной 1942 года, когда я провел с ним ночь в канцелярии Ворошиловградской тюрьмы. Я как секретарь Военного трибунала Ворошиловградского гарнизона Южного фронта должен был технически помочь ему пересмотреть личные тюремные дела всех заключенных, находившихся в тюрьме, провести, как говорил, "расчистку тюрьмы".

В результате наступления немецких войск Красная армия продолжала отступать и предстояло в ближайшие дни оставить немцам Ворошиловград, последний областной украинский город, еще не оккупированный гитлеровскими

войсками. Возник вопрос, что делать с Ворошиловградской тюрьмой, которая до отказа была набита заключенными. Подавляющее большинство из них составляли военнослужащие, осужденные по приговорам Военных трибуналов дивизий, корпусов и армий Южного фронта. Среди них были осужденные к расстрелу нижестоящими военными трибуналами, и эти дела должны были быть рассмотрены Военным трибуналом Южного фронта.

Было много и таких заключенных, дела которых еще не были рассмотрены вообще, в отношении которых не было проведено даже следствие. Но времени на рассмотрение дел и проведение следствия не было. Нужно было срочно решать, что делать с людьми, переполнившими тюрьму. Многих трибуналов, вынесших приговоры, уже не было, ибо немцы в ходе наступления разбили эти дивизии и корпуса.

Всю работу по "расчистке" тюрьмы Матулевич провел в моем присутствии за одну ночь. Он просматривал тюремное дело заключенного, в котором либо была на папиросной бумаге слепая машинописная копия приговора, либо приговора еще не было, а была только такая же слепая копия постановления об аресте или о привлечении к уголовной ответственности. Иногда содержание этого документа даже трудно было разобрать. Но бегло взглянув на такую бумажку, Матулевич в левом верхнем углу очень быстро делал две разные резолюции. Одна означала расстрел, другая - направление в штрафной батальон.

Что меня, тогда молодого человека, пора-

зило в поведении Матулевича, это его спокойствие, полное равнодушие, с каким он ставил свои кровавые и быстрые резолюции, сопровождая их своей подписью. Он исполнял эти надписи так, будто занимался рутинной бюрократической работой. На его лице не было видно никаких эмоций, не было даже простой усталости.

На следующий день многие сотни советских солдат и офицеров были расстреляны по его ночным резолюциям.

Эту ночь перед массовой казнью – ночь, проведенную в обществе палача № 2 – корвоенюриста Ивана Осиповича Матулевича, я запомнил на всю жизнь.

ДЕЗЕРТИРСТВО И ПЕРЕХОД НА СТОРОНУ ПРОТИВНИКА

Дезертирство и переход на сторону противника на первый взгляд - совершенно разные преступления. При дезертирстве военнослужащий просто покидает воинскую часть, перестает нести военную службу. При переходе на сторону противника военнослужащий не только покидает свою воинскую часть и перестает нести военную службу, но и изменяет своему воинскому долгу, переходит во вражеский лагерь. Совместное рассмотрение нами этих двух различных преступлений объясняется тем, что в условиях фронта, в боевой обстановке эти два преступления тесно взаимосвязаны и совершивших простое дезертирство во фронтовых условиях часто обвиняли в попытке перейти на сторону противника. Необходимо предварительно рассмотреть каждое из этих преступлений в отдельности.

В соответствии со статьей 193^7 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года, действовавшего во время войны, самовольная отлучка свыше суток является дезертирством и влечет за собой лишение свободы на срок от пяти до десяти лет, а в военное время - высшую меру наказания - расстрел с конфискацией имущества. Переход на сторону противника, который совершен воен-

нослужащим, карается по статье $58^{1б}$ Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., действовавшего во время войны, расстрелом и конфискацией имущества и рассматривается как измена родине наряду со шпионажем, выдачей военной и государственной тайн и т. д.

Когда дезертирство имеет место далеко от фронта, то не возникает подозрений о намерении перейти на сторону противника. В период Второй мировой войны тысячи дезертиров и уклонившихся от призыва по мобилизации прятались в лесах и погребах, в баньках и сторожках, на чердаках и в подполье. Такому дезертиру обычно помогала скрываться жена или мать. Она тайком доставляла ему пропитание в его укрытие и следила за тем, чтобы ночью никто не увидел, как ее муж или сын на короткое время слезает с чердака или вылезает из подполья, чтобы походить по избе и размять кости. Случайная неосторожность, а иногда массовые облавы на дезертиров приводили к их разоблачению, и эти люди из лесов, погребов, банек, сторожек, чердаков и из подполья, обросшие бородами, попадали в военную прокуратуру, а затем представали перед военными трибуналами.

Любой же случай оставления воинской части на фронте, т. е. тоже дезертирство, легко мог привести и приводил к обвинению в попытке перейти на сторону противника. Это обвинение обычно подкреплялось обнаружением у задержанного при личном обыске немецких листовок, в которых, помимо агитационных текстов, всегда был пропуск для сдачи в плен. Наличие

листовки с пропуском могло и не свидетельствовать о намерении перейти на сторону противника, ибо часто бойцы хранили эти листовки вопреки запрещению лишь как бумагу для курева. Немецкое военное командование знало это и печатало чаще всего листовки на курительной бумаге, подходящей для махорки и табака. Такую листовку бойцу было жалко выкинуть, ибо курительную и даже обычную бумагу ему было достать чаще всего негде.

Несправедливые обвинения в попытках перейти на сторону противника фигурировали обычно в делах, сфабрикованных органами "СМЕРШ". Так на фронте официально именовалась военная контрразведка. "СМЕРШ" расшифровывалось как "смерть шпионам". Молва утверждала, что название придумано Сталиным. Органы "СМЕРШ" стремились показать, что они проявляют активность и бдительность, и поэтому, если настоящих шпионов и перебежчиков не было, они их создавали, предъявляя тяжкое обвинение невиновным "курильщикам" и демонстрируя высокому начальству свое рвение и оперативное искусство по разоблачению пособников врага.

Но бывали реальные попытки перейти на сторону противника, когда такое намерение не вызывало сомнений. Это бывало обычно, когда на какое-то время положение на фронте стабилизировалось, передовые позиции сторон определялись. В этих условиях солдаты на передовой вдруг замечали, что один-два, а иногда три солдата начинали перебежкой или ползком двигаться в сторону противника без какого-либо приказа командира. Не всегда таких пе-

ребежчиков удавалось задержать, не всегда принимались меры к их задержанию, но когда их задерживали, то их путь лежал уже не к противнику, а через военную прокуратуру в военный трибунал. Свидетелями по этим делам выступали задержавшие их бойцы. Перебежчиков, как правило, ждал расстрел. Если к дезертиру, сидевшему в баньке, могли еще иногда отнестись снисходительно и вместо расстрела отправить в штрафной батальон, то перебежчик на снисхождение рассчитывать не мог и ему смертная казнь была обеспечена.

На мой взгляд, попытки перехода на сторону противника редко объяснялись политическими, идеологическими соображениями. Перебежчики, как и дезертиры, как и членовредители, как и симулянты, как и уклоняющиеся от призыва по мобилизации, стремились к одному – сохранить свою жизнь. Число таких преступлений возрастало, когда на фронте складывалась тяжелая обстановка, когда предстояли большие бои. Солдат, боясь погибнуть в предстоящей мясорубке, решал, что лучше он перебежит к противнику и отсидится в плену или инсценирует ранение и отсидится в госпитале. Особое упорство проявляли многие дезертиры. Давно кончилась война, а они, боясь уголовной ответственности, продолжали сидеть в подполье или на чердаке. Сидели так 15, 20 и более лет. Между тем, они могли не опасаться уголовной ответственности, ибо по окончании войны был издан Указ об амнистии всех виновных в совершении воинских преступлений, включая дезертирство.

ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСТВО

Часть из стремившихся сохранить свою жизнь шла по пути нанесения себе телесных повреждений, которые бы перевели их в состав раненых с последующей эвакуацией в тыл. Чаще всего практиковались "самострелы". Солдат сам стрелял себе в руку или по его просьбе выстрел производил другой боец. Иногда доверявшие друг другу бойцы обменивались выстрелами. "Самострелы" были частым явлением в пехотных частях, сформированных даже из русских, украинцев, белоруссов, но в соединениях, сформированных из азербайджанцев, армян, узбеков, "самострелы" носили каждодневный и массовый характер. Особо частым явлением "самострелы" стали летом 1942 года при отступлении Красной армии по всему Южному фронту.

Следователи фронтовых военных прокуратур научились быстро распознавать самострелы.

Элементарная криминалистическая экспертиза внешнего вида раны устанавливала, что выстрел произведен с близкого расстояния, а не противником. Об этом свидетельствовали следы копоти и порошинки по краям раны. Членовредители быстро разоблачались. Тогда они стали применять простую уловку. Руку, в которую собирались произвести выстрел, обматывали тряпками, и выстрел производили через тряпки. Следы копоти и порошинки оставались на тряпках, а их выбрасывали. Военные следователи иногда находили эти тряпки, и они были косвенными уликами. Многие членовредители стали поступать совсем по-другому, пошли по пути "голосования". Боец высовывал руку из окопа и ждал выстрела со стороны противника. Такого членовредителя разоблачить было сложнее, если не было свидетелей его "голосования", готовых дать показания по этому поводу. Многие членовредители отрубали себе топором один или несколько пальцев. Каждое такое трибунальское дело было психологической загадкой. Человек вроде из трусости шел на совершение действий, которые требовали определенного мужества. Помнится дело по обвинению в членовредительстве одного сибиряка. Он отрубил себе топором сначала один палец. Ему показалось мало. Тут же он отрубил последовательно один за другим еще два пальца.

Статья 193[12] Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 года, действовавшая во время Второй мировой войны, гласила: "а) Уклонение военнослужащего от несения обязанностей воен-

ной службы путем причинения себе какого-либо повреждения или путем симуляции болезни, подлога документов или иного обмана – карается лишением свободы на срок до пяти лет; б) то же преступление при наличии отягчающих обстоятельств карается лишением свободы на срок не ниже трех лет; в) то же преступление, совершенное в военное время или в боевой обстановке, карается высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества".

Мне довелось участвовать в рассмотрении сотен дел о членовредительстве, и как правило по ним выносился смертный приговор. Часто Военный трибунал и не мог вынести другого приговора. Уголовный кодекс предусматривал в военное время или в боевой обстановке только одно наказание – расстрел. Правда, можно было применить статью 51 этого же уголовного кодекса о переходе к другой, менее тяжкой мере наказания, т. е. к лишению свободы. Но этого нельзя было сделать обычно по двум причинам: не было связи с тылом и некуда было посылать осужденного для отбытия лишения свободы; нельзя было присуждать к лишению свободы и потому, что это означало, что членовредитель добился своего. Его отправляют в тыл, жизнь его сохранена. Это было бы поощрением для других потенциальных членовредителей.

Нельзя было часто применять и примечание 2 к статье 28 Уголовного кодекса в редакции 1926 года, позволяющее отсрочить исполнение приговора до окончания военных действий с

направлением осужденного на фронт, ибо членовредитель становился непригоден для дальнейшего несения военной службы. Поэтому членовредителя ждал расстрел, чаще всего перед строем товарищей по оружию. Командованию казалось, что такие показательные расстрелы приведут к сокращению членовредительства.

Расстрелы членовредителей ширились, но ширилось и число "самострелов" и по-прежнему топорами рубили себе пальцы. Смертные приговоры их не останавливали. Тысячи солдат пытались спасти свою жизнь таким путем, ибо "членовредители" всегда надеялись избежать разоблачения и трибунальского наказания.

ФАБРИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБВИНЕНИЙ

Военные трибуналы на фронте и в прифронтовых городах и селах рассматривали много дел, которые по существу носили политический характер.

Многие из этих дел содержали справедливые, а не сфабрикованные обвинения. На фронте это были, например, дела о лицах, пытавшихся перейти на сторону противника. В освобожденных от немецкой оккупации городах и селах это были дела о лицах, вступивших на путь сотрудничества с оккупантами, дела по обвинению старост, бургомистров, полицейских, жандармов. Но наряду с этими делами, когда военные трибуналы осуществляли карательную, но справедливую роль, в военные трибуналы поступало много дел, в которых политические обвинения были сфабрикованы.

На фронте такие дела фабриковались особыми отделами, органами фронтовой контрраз-

ведки "СМЕРШ". При фабрикации таких дел особисты и смершевцы следовали традициям следователей, подвизавшихся в 1937 и 1938 годах.

Наиболее частым обвинением было обвинение в восхвалении на фронте немецкой военной техники, что расценивалось как пораженческие настроения и антисоветская агитация. Эти действия квалифицировались по статье 58-10 Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 года. Она предусматривала пропаганду или агитацию, содержащую призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение, изготовление или хранение литературы того же содержания. В военной обстановке или в местностях, объявленных на военном положении, наказанием по этой статье был расстрел и лишь при смягчающих обстоятельствах - лишение свободы.

Среди солдат и офицеров на фронте часто велись разговоры о высоком качестве немецких самолетов-разведчиков типа "фоке-вульф". Их обычно называли "рама". После того как над позициями наших войск пролетала "рама" и фиксировала их расположение, в воздухе появлялись немецкие самолеты-штурмовики, истребители и бомбардировщики. В советской авиации самолета, подобного "фоке-вульф", тогда не было, и вообще превосходство немецкой авиации в 1941 и 1942 годах было очевидным. Велись разговоры и о превосходстве немецких танков типа "тигр", о том, что в наших войсках не было в начальный период войны автоматов, не хватало винтовок, что появившееся

на вооружении армии противотанковое ружье весьма громоздкое и тяжелое, неудобное в обращении.

Все эти разговоры велись солдатами и офицерами, обеспокоенными поражениями советской армии. В большинстве случаев не было никакого антисоветского умысла. Квалификация этих разговоров как антисоветской агитации осуществлялась фронтовыми особистами и смершевцами лишь для того, чтобы продемонстрировать перед начальством активность и бдительность. Когда такие дела попадали в военные трибуналы, то и там справедливого разрешения их ожидать было трудно, оправдательные приговоры были чрезвычайно редки; члены военных трибуналов либо боялись не угодить особому отделу или отделу "СМЕРШ", либо хотели показать свою непримиримость в борьбе с "антисоветчиками". В результате гибли честные люди и среди них были такие, что и вовсе не высказывались о немецкой технике: такие высказывания им приписывали доносчики, сотрудничавшие с особистами или смершевцами и выполнявшие их грязные поручения. Они и выступали свидетелями по этим делам при их рассмотрении в военных трибуналах.

В прифронтовых городах и селах в военных трибуналах было полно дел о лицах, сотрудничавших с оккупантами и действительно виновных в карательной деятельности. Но среди этих дел попадались и дела, по которым политические обвинения были сфабрикованы. Иногда такие дела фабриковались местными следственными органами, входившими в Министерство

внутренних дел СССР; иногда армейскими особыми отделами и отделами "СМЕРШ", которые не только в войсках, но и в прифронтовых населенных пунктах чувствовали себя полными хозяевами.

Часто такие дела возникали по доносу лиц, которые по своим личным соображениям хотели, чтобы тот, на кого они доносят, был изолирован. Ведь и в довоенное время, в период репрессий 1937 и 1938 годов, доносы такого рода широко практиковались, ибо в обстановке тех лет каждый доносчик мог рассчитывать на успех.

Запомнилось дело, рассмотренное в военном трибунале Армавирского гарнизона в 1943 году. Житель Армавира Кривошеин обвинялся в том, что, якобы, в период семимесячной немецкой оккупации он занимался антисоветской агитацией и склонял других к сотрудничеству с немецким военным командованием и начальником армавирской полиции, бывшим экономистом райисполкома Сосновским.

Еще до рассмотрения дела в нашем военном трибунале я и мой коллега по работе военный юрист Валерий Николаевич Берловский, служивший так же, как и я, секретарем, ознакомились с делом по обвинению Кривошеина. При этом Берловский и я пришли к выводу, что обвинение против Кривошеина сфабриковано, и лицом, по доносу которого Кривошеина арестовали и предали суду, была его жена. Свои соображения по этому поводу мы изложили Председателю военного трибунала Армавирского гарнизона

майору юстиции Сазоновичу и членам трибунала.

При рассмотрении дела в судебном заседании трибунала наши предположения подтвердились. Выяснилось, что гражданка Кривошеина, жена обвиняемого, давно тяготилась браком с ним, часто ему изменяла и решила избавиться от этого брака таким своеобразным путем. Все ее дальнейшие жизненные планы были связаны с тем, что муж будет арестован, изолирован и осужден, а она своим доносом заслужит расположение соответствующих советских органов. Военный трибунал вынес определение о направлении дела в отношении Кривошеина на доследование и о привлечении к уголовной ответственности его жены. В отношении нее была избрана мера пресечения в виде содержания под стражей, и она была арестована в зале суда.

Военный трибунал Армавирского гарнизона не располагал помещением для содержания арестованных. Город был в значительной степени разрушен военными действиями и бомбежки продолжались. Трибунал располагался в небольшом особняке. Арестованные, а их доставляли в трибунал каждый день человек 15–20, находились весь день во дворе особняка под охраной солдат. Вот в эту группу арестованных и попала Кривошеина. Надо было видеть эту женщину через несколько часов после того, как она была арестована и попала на трибунальский двор под охрану солдат.

"РАД БЫ ГОВОРИТЬ, НЕ МОГУ"

Военный трибунал 12-ой армии на Украине, в Донбассе, в городе Кадиевка (тогда этот город назывался Серго), в 1942 году рассматривал абсолютно необычное дело. В этом судебном процессе я участвовал в качестве секретаря Военного трибунала и помню все подробности. Судебное рассмотрение всегда построено так, что всё в суде должно всеми участниками процесса произноситься вслух. В этом же деле, всё делалось молча, всё писалось на бумаге. Писал председательствующий - председатель Военного трибунала 12-ой армии военный юрист 1-го ранга Трофимчук, писал прокурор, обвиняемый, эксперты. Все обменивались записками, а не словами.

Что же это за дело? Почему такая редкостная необычная процедура ведения судебного заседания?

Молодой солдат украинец Лялько был легко ранен и контужен. Ранение было получено в

мизинец на левой руке. Он понимал, что вскоре опять окажется на передовых позициях. В это время в Донбассе шли упорные бои. Лялько, оказавшись в госпитале, знаками объяснил, что в результате контузии лишился возможности говорить и слышать. Врачи госпиталя обратили внимание на то, что учетная карточка раненого или, как она называлась, "карточка передового района", с которой он прибыл в госпиталь, была заполнена с его слов, т. е., что после контузии он говорил и слышал. Врачи в госпитале сделали ему укол. Он потерял контроль над своим сознанием, и во сне стал ругаться матом. Врачи решили, что Лялько симулирует глухонемоту, чтобы избежать возвращения в свою воинскую часть, находившуюся на боевых позициях.

Материал о поведении Лялько был передан для расследования в Военную прокуратуру 12-й армии. Он попал к военному следователю Довжику, моему однокашнику по московскому юридическому институту, а в послевоенные годы коллеге по московской адвокатуре. По делу была назначена медицинская экспертиза в составе хирурга, отоляринголога и невропатолога. Эксперты в своем заключении написали, что все органы слуха и речи у Лялько в полном порядке и что он не говорит и делает вид, что не слышит только потому, что решил симулировать глухонемоту и уклониться от исполнения своего воинского долга. Лялько же в ответ на все вопросы, которые к нему обращались в письменном виде, писал на листах бумаги: "Рад бы говорить, не могу". Когда Ляль-

ко допрашивали в помещении военной прокуратуры 12-ой армии, к нему было привлечено внимание многих. Иногда кто-то подходил к нему сзади, внезапно ударял в ладоши и он будто бы вздрагивал. Работники Военной прокуратуры были убеждены, что Лялько симулянт. Они говорили: "его будут расстреливать, он все равно не заговорит". И все же оставались сомнения.

По окончании расследования дело против Лялько поступило для рассмотрения к нам в военный трибунал и началась подготовка к его слушанию. Прежде всего, исходя из того, что, может быть, Лялько является лицом с физическим недостатком (глухонемотой), по закону в судебном процессе должен был участвовать адвокат. Дело рассматривалось в прифронтовом городке, где никаких адвокатов не было. Пришлось привезти адвоката из Ворошиловграда (Луганска). Это был единственный областной центр Украины, в то время еще не оккупированный немцами. В судебном заседании участвовала медицинская экспертиза. В своем заключении она указала, что у Лялько стойкое установочное поведение и нет сомнений, что он симулянт. Он же на все письменные вопросы продолжал писать: "Рад бы говорить, не могу". Когда оглашался смертный приговор, все взоры в судебном зале были обращены к Лялько. Он никак не прореагировал на приговор. Я изложил на бумаге суть приговора, и он в ответ опять написал: "Рад бы говорить, не могу".

Приговор военного трибунала армии о рас-

стреле мог быть приведен в исполнение только после его утверждения Военным Советом армии, т. е. Командующим и членом Военного Совета. При утверждении этого приговора Командующий 12-ой армии генерал-майор А. А. Гречко (позже член Политбюро ЦК КПСС, Маршал Советского Союза и министр обороны СССР) и член Военного совета 12-ой армии заявили, что они предлагают от имени Военного совета армии Лялько заговорить и тогда они заменят ему расстрел лишением свободы, а если он не заговорит, то приговор будет приведен в исполнение. По поручению председателя Военного трибунала армии член Военного трибунала военный юрист 3-го ранга украинец Ракул должен был поехать к находившемуся под стражей Лялько, чтобы передать ему предложение Военного совета. Когда Ракул отправлялся для встречи с Лялько, его готовили все работники трибунала, снабдили в обилии бумагой и карандашами для переписки с осужденным Лялько. Много часов Ракул вел с ним переписку на русском и украинском языках, но письменный ответ был все тот же: "Рад бы говорить, не могу". Лялько был расстрелян. Присутствовавшие при расстреле, в том числе военный следователь Довжик, утверждали, что Лялько настолько вошел в свою роль, в свое установочное поведение, что и при расстреле не изменил своего поведения.

После этого прошло более четырех десятилетий. Я в своих мыслях неоднократно возвращался к этому делу, консультировался с крупными московскими специалистами в области

психиатрии, психологии, отоляринологии, выслушивал различные мнения и суждения.

В Иерусалиме беседовал с известным профессором-психиатром из СССР, и он заявил, что не исключает того, что в действительности Лялько не мог говорить. Главным упущением, по его мнению, было то, что в составе экспертизы не было психиатра. Теперь для меня ясно, что по этому делу возможно допущена судебная ошибка. А судебная ошибка, когда вынесен и приведен в исполнение смертный приговор, величайшая трагедия. Лялько не заговорил, и поэтому сомнения в правильности приговора останутся навсегда.

СОВЕТСКИЙ ОФИЦЕР СВЯЗИ УБИВАЕТ СОВЕТСКОГО СТАРШИНУ-ТАНКИСТА

Человеку, который не был на фронте, трудно представить себе, какое большое число советских солдат и офицеров погибло на фронте не от рук гитлеровцев, а в результате различных чрезвычайных происшествий, дисциплинарных нарушений, нарушений правил обращения с боевой техникой, нарушений авиационных правил, подчас от рук своих же товарищей по оружию – советских солдат и офицеров. При этом часто судить было некого, обходились без Военного трибунала.

Помнится случай, когды были убиты сразу три советских воина – подполковник, старшина и солдат. Все три погибли от руки советского офицера и советских солдат.

Весной 1942 года в Донбассе на асфальтированном шоссе Ворошиловград – Ворошиловск стояла колонна тяжелых танков. Была сильная

распутица. Рядом с шоссе – непролазная грязь. В быстроходном автомобильчике ”Виллис” американского производства офицер связи штаба армии – подполковник вез боевое распоряжение передовым частям. За рулем ”Виллиса” сидел шофер-солдат. Подполковник остановил машину и подошел к старшине – командиру тяжелого танка, стоявшего на шоссе и загородившего ему путь. Хотя ”Виллис”– машина, приспособленная к бездорожью, но кругом была такая грязь, что подполковник боялся съехать с шоссе и застрять. Он попросил старшину отодвинуть танк в сторону и дать ему возможность проехать. Старшина отказался. Тогда подполковник вынул пистолет ”ТТ” и крикнул старшине: ”Я везу боевое распоряжение передовым войскам. Ты меня задерживаешь. Если не отодвинешь танк, застрелю”. Старшина не подчинился. Подполковник сгоряча выстрелил и убил старшину. После этого быстро опомнился, сел в ”Виллис”, крикнул водителю ”гони!”, и они поехали по обочине шоссе через грязь, но не застряли, а проскочили. Между тем, остальные члены экипажа тяжелого танка, увидев, что их командир-старшина убит и подумав, что подполковник, возможно, переодетый немец, развернули танк и из пушки прямой наводкой уничтожили ”Виллис” и находившихся в нем. Подполковник – офицер связи и шофер-солдат были убиты. И в каком-нибудь сибирском или подмосковном селе мать шофера-солдата получила извещение о том, что ее сын погиб ”смертью храбрых за советскую Родину в боях с немецко-фашистскими захватчиками”. Военная про-

куратура провела расследование и вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела против экипажа тяжелого танка, ибо их действия по уничтожению "Виллиса" и находившихся в нем вытекали из создавшейся обстановки и не могли быть поставлены им в вину.

Уголовное дело по обвинению подполковника - офицера связи, убившего старшину-танкиста, было прекращено в связи со смертью обвиняемого.

КРАСАВИЦА-РАЗВЕДЧИЦА, ПЕРЕВЕРБОВАННАЯ ИТАЛЬЯНСКИМ ОФИЦЕРОМ

Зимой 1941 года и в начале весны 1942 года в Донбассе стабилизировалась линия фронта. Войска 12-ой армии Южного фронта занимали оборонительные позиции. Часть Донбасса, областной центр Ворошиловград, город Ворошиловск, город Серго (Кадиевка) были в руках Красной армии, а другая часть - города Юзовка (бывш. Сталино, ныне - гор. Донецк), Макеевка - в руках немцев. Вернее, в Донбассе было больше не немецких, а итальянских войск. Разведывательный отдел штаба нашей 12-ой армии Южного фронта посылал часто через линию фронта женщин-разведчиц. Под видом женщин, идущих из поселка в поселок для приобретения хлеба и других продуктов, эти разведчицы узнавали расположение немецких огневых точек и численность немецких и итальянских войск в различных населенных пунктах и

приносили эти нужные сведения в развед-отдел 12-ой армии. Среди этих разведчиц отличалась успехами Оксана – красивая молодая украинка из Макеевки. Но вскоре от другой разведчицы были получены сведения, что Оксана является двойным агентом, перевербована противником и выдает итальянцам других советских разведчиц из развед-отдела 12-ой армии, которых она знает. Было проведено расследование и установлено, что ее перевербовал итальянский офицер-разведчик. Он сошелся с ней и сделал ее двойным агентом. Когда Оксана в очередной раз с разведывательными сведениями пришла в развед-отдел 12-ой армии, ее арестовали. Мне довелось участвовать в рассмотрении ее дела в Военном трибунале 12-ой армии. Оксана обвинялась в измене. Она призналась во всем, рассказала о том, что вступила в близкие отношения с итальянским офицером. По закону и по условиям военного времени она могла быть приговорена к исключительной мере наказания – расстрелу. Но Военный трибунал учел ее молодость и раскаяние и ограничился длительным лишением свободы.

Члены Военного трибунала, которые почти ежедневно подписывали смертные приговоры мужчинам, на этот раз отступили перед молодостью и красотой украинки из Макеевки.

РАССТРЕЛ ГРУППЫ МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР В ПОСЕЛКЕ АРТЕМОВСКУГОЛЬ

Когда Красная армия отступала из Донбасса и оставила один из его поселков - Артемовскуголь, почти все врачи местной больницы эвакуировались или ушли из города с отступающими частями Красной армии. Медицинские сестры местной больницы остались в поселке, спрятали у себя дома взятые ими из больницы медикаменты и перевязочные материалы и после вступления в город гитлеровских войск вернули всё спрятанное ими обратно в больницу и развернули в больнице госпиталь для немецких солдат и офицеров. Но через некоторое время Красная армия на этом участке фронта в Донбассе предприняла контрнаступление и Артемовскуголь был отбит у немцев. Выяснились все обстоятельства, связанные с организацией медсестрами госпиталя для немцев. Было проведено расследование и десять медицинских

сестер предстали перед Военным трибуналом 12-ой армии.

Мужчины обычно в условиях фронта, когда каждый готов в любой момент встретить смерть, относительно спокойно выслушивали смертный приговор. Здесь же перед Трибуналом стояли женщины... И действительно, когда был оглашен приговор, по которому все медицинские сестры приговаривались к расстрелу, то никакого спокойствия, даже относительного, осужденными проявлено не было. Ими овладел панический ужас, они кричали, рыдали, бились в судорогах. Конвой ничего не мог с ними сделать и никак не мог вывести их из помещения, где заседал Военный трибунал. Я на всю жизнь запомнил эту страшную картину и часто вспоминал ее, когда возвращался мыслями к проблеме смертной казни.

"РАССТРЕЛЯННЫЙ" ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ВОЕННУЮ ПРОКУРАТУРУ ДИВИЗИИ

Расстрел - высшая мера наказания, но для Военных трибуналов Действующей армии он стал повседневным. Приговоры к расстрелу часто приводились в исполнение на передовых позициях на глазах товарищей по оружию. Председатель Военного трибунала оглашал приговор. Группа автоматчиков давала залп. Но при отступлении, когда не было времени для расстрелов перед строем, иногда расстрел производился не публично, а в присутствии узкого круга лиц. Так именно было в том случае, о котором я пишу. При этом расстреле в 1942 году на Южном фронте по должности присутствовали только Военный прокурор дивизии, Председатель Военного трибунала дивизии, Начальник дивизионного отдела "СМЕРШ" и военный врач, зафиксировавший смерть осужденного. Но осужденный в действительности не был убит, а лишь ранен. Военный врач ошибочно зафиксировал смерть. Закопали его

не глубоко, ибо торопились. "Расстрелянный" нашел в себе силы откопать себя. Зашел в один из соседних домов, где ему перевязали раны. После этого он направился в расположение Военной прокуратуры дивизии, к прокурору, который присутствовал при его расстреле. Известно было, что этот военный прокурор на редкость труслив. Когда к нему явился человек, при расстреле которого он в этот день присутствовал, то можно понять, в каком он был испуге. Последовали определение Военного трибунала Южного фронта, приказ Председателя Военного трибунала Южного фронта корвоенюриста Матулевича и приказы других высоких фронтовых инстанций. Согласно определению Военного трибунала Южного фронта, осужденный к расстрелу был освобожден от этой меры наказания. Она была ему заменена в порядке исключения лишением свободы. По приказу Председателя Военного трибунала Южного фронта и других инстанций, за халатное отношение к исполнению своих обязанностей направили в штрафной батальон всех присутствовавших при неосуществленном расстреле – Военного прокурора дивизии, Председателя Военного трибунала дивизии, Начальника дивизионного отдела "СМЕРШ", военного врача. Такое направление для каждого из них было равносильно смертному приговору. Мне известны многие случаи, когда трибунальские, прокурорские работники и другие штабные офицеры, посланные в штрафной батальон за утерю в боевой обстановке важных служебных документов или другие упущения, погибали в первом же бою.

ГИТЛЕРОВСКИЕ ЛИСТОВКИ

Часто на фронте перед Военными трибуналами Действующей армии представали военнослужащие за чтение и передачу содержания гитлеровских листовок. Их обвиняли в антисоветской агитации по статье 58 пункт 10 Уголовного кодекса РСФСР. Эти листовки полагалось уничтожать, но не было бумаги, чтобы свернуть цигарку из махорки или табака. Немцы же специально печатали листовки на курительной бумаге, и солдату жалко было их выкидывать. Он рисковал попасть под Военный трибунал, но сохранял листовку для курева, а подчас его интересовало и содержание листовки. Они часто содержали весьма доходчивую антисемитскую пропаганду. В них говорилось, например: "Иван! Ты работал на заводе. У тебя директором был Хаймович, секретарем парткома Пейсахович, председателем профкома Рабинович, а у станков среди рабочих жидов не было. Теперь у тебя политрук Пейсахович, начальник штаба Рабинович, а в окопе среди бойцов жидов нет. Сводки Совинформбюро пишет жид Лозовский, их читает по радио жид Левитан, в газетах тебя обманывает жид Эренбург. Ты спишь в окопе, а жид работает в рабкоопе и спит с твоей женой. А за все отдуваешься ты,

бедный Иван". Такие листовки находили отклик в солдатской среде, воздействовали на сознание многих и содействовали росту антисемитских настроений не только в военные, но и в послевоенные годы, особо на территориях, которые были оккупированы немцами или находились в зоне, куда немецкая авиация имела возможность сбрасывать листовки.

Каждая немецкая листовка содержала призыв к бойцам и офицерам Красной армии переходить на сторону немцев, сдаваться в плен. Каждая листовка сопровождалась специальным пропуском, в котором указывалось, что он дает право на сдачу в плен для неограниченного числа советских солдат и офицеров. В Действующей армии были изданы приказы командования о том, что немецкие листовки подлежат уничтожению. Иногда по приказу командования специальные группы солдат и офицеров собирали сброшенные авиацией противника листовки и сжигали их. При обнаружении немецких листовок у солдат и офицеров их обвиняли часто не только в антисоветской агитации, но больше того, исходя из наличия в каждой листовке пропуска для сдачи в плен, предъявлялось более серьезное обвинение в попытке сдаться в плен, в попытке перейти на сторону противника, т. е. в "измене Родине в боевой обстановке". Таких дел в трибунальской практике было много, и иногда солдат или офицер, у которого не было никакого умысла перейти на сторону противника, а хранил он листовку лишь для курева, обвинялся в измене и приговаривался Военным трибуналом к расстрелу.

ХИЩЕНИЯ НА ФРОНТЕ

Армия на фронте не только большая боевая сила, нацеленная на военные действия, но и весьма сложный хозяйственный организм. Интендентская служба, служба снабжения войск как вооружением и боеприпасами, так и обмундированием и питанием очень важна. От ее деятельности зависит и успех боевых операций, и настроение солдат и офицеров. На протяжении всей Второй мировой войны фронтовики упрекали интендантов и работников военторга во всех недостатках снабжения.

Между тем, интенданты проявляли иногда чудеса организованности. Я наблюдал, как на Северо-Кавказском фронте в условиях окружения, когда солдат на передовой не получал ни хлеба, ни сухарей, а лишь 200–300 граммов муки, нужно было организовать в горных условиях быструю доставку этой муки на передовую. Это осуществлялось при помощи маленьких американских автомобильчиков типа "Виллис". Когда эти, приспособленные для бездорожья, машины прибывали на пункт погрузки, их загружали мешками с мукой в несколько секунд. Чтобы не тратить времени на разговоры, интендант, руководивший погрузкой, всех прибывших водителей заставлял

встать в строй и держал их по команде "смирно", пока другими солдатами загружались их машины. Потом раздавалась команда "по машинам", и они мчались к передовой, чтобы доставить солдатам быстрее хотя бы муку. Там, в своих котелках, солдаты из этой муки делали болтушку.

Но бывали на фронте и другие времена, когда в руках интендантов и военторговцев сосредоточивались тысячи тонн самых разнообразных продуктов - сливочного масла и табака, хлеба и сахара, круп и картофеля, тысячи литров водки и коньяка, всего того, что в условиях войны на рынке стоило очень дорого. Те из интендантов и военторговцев, которые вставали на путь хищения, наживались неимоверно.

Хищения всегда вызывают негодование, а хищения на фронте вызывали среди солдат и офицеров еще бо́льшее негодование. Мне часто приходилось слышать от солдат и офицеров такую фразу: "Чтобы в Военторге навести порядок, надо ежедневно одного военторговца расстреливать утром - за завтраком, второго - днем, за обедом, третьего - вечером, за ужином. Может быть, это подействует". Такие пожелания выражали настроения широких кругов военнослужащих и имели влияние на ход рассмотрения в военных прокуратурах и военных трибуналах дел о хищениях и хозяйственных злоупотреблениях.

Каждый виновный в этих преступлениях не мог расчитывать на снисхождение.

Помню дело о хищении с большого фронто-

вого армейского склада в Ворошиловграде. Была весна 1942 года. Население этого большого города буквально голодало, на рынке цены на самые простые продукты выросли в десятки раз. А на армейском складе 12-ой армии Южного фронта горами стояли бочки с маслом, мешки с сахаром и крупами, ящики с водкой и коньяком. Интендант 2-го ранга Кривцов и старшина Сыченко отпускали на сторону эти продукты без надлежащей документации в корыстных целях, ради личного обогащения. Кроме того, они отпускали эти продукты своим сожительницам, а те ими спекулировали. Эта спекуляция и помогла раскрыть хищение, за которое интендант 2-го ранга и старшина поплатились жизнью.

Хищения в интендантских организациях и в Военторге на фронте часто раскрывались из-за случайных обстоятельств. Осенью 1942 года несколько работников Военной прокуратуры и Военного трибунала, в числе которых был и я, были посланы в командировку. Путь предстоял через горы в дождь и холод, а потому каждый для согревания взял с собой фляжку, наполненную купленным в Военторге коньяком. По мере употребления этого коньяка все мы поняли, что он почему-то на нас не действует. После возвращения из командировки Военная прокуратура занялась военторговским коньяком, и были вскрыты злоупотребления и обман покупателя, продажа разбавленного водой коньяка.

На протяжении всей войны хищения на фронте продолжались. Трибунальские расстрелы не помогали и не помогли.

РАССТРЕЛ ПОВАРИХИ

12-ая армия Южного фронта отступала из Донбасса через Дон и Кубань к району Туапсе. При переправе через Дон у станицы Багаевской немцы бомбили понтонный мост, через который шла переправа. Река Дон в этом месте достаточно широка. Понтонный мост - удобный объект для бомбежки, а немецкая авиация имела превосходство в воздухе. Армия едва избежала полного уничтожения.

Штаб 12-ой армии являлся громоздким военным учреждением. В него входило много управлений и, помимо штабных офицеров, в этих управлениях работало много женщин - секретарей и машинисток. Еще больше женщин работало в штабной столовой военторга. Когда приближались к району Туапсе, то стало ясно, что с плодородной Кубани, где даже в условиях военного времени не было недостатка в продовольствии, армия уходит в бесплодные

дикие горы, где с питанием будет очень плохо. Перспектива оказаться в этих горах особо тревожила женщин, работавших в штабных учреждениях. И вот, когда штаб 12-ой армии отступал из одной кубанской станицы, в ней осталась повариха столовой военторга. Она решила не следовать с армией в горы, а остаться в станице, в которую на следующий день должны были войти немецкие войска. Повариха эта была большим мастером своего дела. Ее отсутствие было замечено. В эти дни на этом участке фронта наступление немецких войск случайно приостановилось. Работники "СМЕРШ" выехали в оставленную армией станицу, арестовали там повариху и доставили ее в новое расположение штаба армии. Было проведено расследование, и она предстала перед Военным трибуналом 12-ой армии. Учитывая настроения женщин, работавших в штабе армии, и в назидание другим, Военный трибунал приговорил повариху к расстрелу. Приговор был утвержден Военным советом армии и приведен в исполнение.

На штабных женщин расстрел поварихи произвел устрашающее впечатление и цель вроде была достигнута.

"ДАВАЙ МЕНЯТЬ ДВУХ РУМЫН НА ДВУХ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ"

В Действующей армии, когда в круговорот бурных событий были вовлечены представители самых различных национальностей, населяющих страну, значительную роль приобретали межнациональные отношения.

По многим трибунальским делам, рассмотренным на фронте, видно, как в условиях войны обострились национальные взаимоотношения, как честь и достоинство нации определялись прежде всего ее вкладом в ведение войны, поведением ее представителей во фронтовых условиях.

Я долго служил секретарем Военного трибунала 12-ой армии Южного, а потом Северо-Кавказского фронтов. В нашу армию на Кавказе вошла азербайджанская дивизия. Дивизия воевала плохо. Многие азербайджанцы стремились уклониться от участия в боях, симули-

ровали заболевания. Обычные слова, которые можно было услышать от них: "Балной, курсак (т. е. живот) балной, на всю кровать балной". Такие слова часто произносили и узбеки из разных воинских частей. Их поведение особо контрастировало с поведением бойцов наших других подразделений, которые были сформированы из черноморских моряков. Морские бригады сражались героически.

В этих условиях запомнилось трибунальское дело, связанное с честью и достоинством азербайджанцев. Два солдата-азербайджанца, остановившиеся на ночлег в крестьянском доме, ночью зарезали козу, принадлежавшую хозяину дома, сварили козлятину и частично съели. Хозяин пожаловался лейтенанту-азербайджанцу и объяснил, что он и семья спасались от голода тем молоком, которое давала эта коза. Следует сказать, что офицеры-азербайджанцы глубоко переживали недостойное поведение солдат-азербайджанцев в боевой обстановке и в быту. Офицер-азербайджанец нашел своеобразный способ защитить честь и достоинство азербайджанцев. Он застрелил двух своих бойцов, зарезавших козу, и предстал перед Военным трибуналом. Его обвинили в умышленном убийстве двух человек, но симпатии многих были на стороне лейтенанта и по приговору трибунала он был направлен в штрафную часть.

Немецкое военное командование знало о плохой боеспособности азербайджанской дивизии и, когда эта дивизия выдвигалась на передний край обороны, предпринимало атаку,

ибо знало, что ударяет по слабому звену, и добивалось успеха. На стороне немцев сражались румынские дивизии. Они были значительно слабее немецких, и когда румынская дивизия выдвигалась на передний край, советские войска предпринимали атаку и разбивали румын. На Кавказе в горах передовые позиции советских и немецких войск были расположены близко друг от друга, и раздавались взаимные иронические предложения солдат на русском и немецком языках: "Давай менять двух румын на двух азербайджанцев".

Азербайджанская дивизия доставляла военной юстиции много хлопот. К суду Военного трибунала азербайджанцы привлекались во много раз чаще, чем солдаты из других подразделений. Среди них, а также среди узбеков было много дезертиров, лиц, совершавших попытки перейти на сторону противника, членовредителей и симулянтов.

Часто переходили на сторону немцев армяне. Из них был сформирован немцами Армянский легион. Иногда солдаты Армянского легиона оказывались в руках советских карательных органов, и мне довелось участвовать в нескольких судах над армянами-легионерами. Их обвиняли в переходе на сторону врага, в измене Родине в боевой обстановке и дела заканчивались обычно расстрелом.

Лучше других против немцев воевали русские и евреи. Они сражались в едином строю, но их отношения омрачались проявлениями антисемитизма. Эти проявления имели место и на фронте, причем не только в разговорах, реп-

ликах, но дискриминация евреев имела место при представлениях к наградам, званиям, при назначениях на должности. Все это усиливалось под влиянием гитлеровской антисемитской пропаганды. Главное же поле национальной конфронтации между русскими и евреями во время Второй мировой войны находилось на оккупированной немцами территории, где уничтожение евреев проводилось под покровительством немцев, но часто руками русских и представителей других национальностей.

В советской печати и пропаганде на протяжении многих лет старались вообще умалчивать об уничтожении евреев на оккупированной немцами территории, но когда писали об этом, то всё приписывали немцам, а о роли русских и других национальностей предпочитали не упоминать совсем.

Интересные сведения по этому вопросу и официальную позицию ЦК КПСС я узнал уже в послевоенные годы, когда, будучи московским адвокатом, вел авторское дело писательницы Ариадны Громовой. При подходе немецких войск к Киеву Ариадна Громова, красивая молодая русская женщина, киевская журналистка, не смогла эвакуироваться из-за болезни мужа - еврея. Ей удалось подделать графу о национальности в его паспорте, но лифтерша в их доме донесла о национальной принадлежности мужа Ариадны, и он был уничтожен. После этого Ариадна Громова связалась с киевским подпольем, была арестована, сидела в гестаповской тюрьме, при отправке в лагерь уничтожения на территории Польши бежала из же-

лезнодорожного эшелона, проломив пол в вагоне, скрывалась при содействии польских железнодорожников, вновь вернулась в Киев и вела там подпольную работу, опять попала в лагерь. Она знала о положении на оккупированной немцами территории не понаслышке, а по своему жизненному опыту. После войны она написала обо всем этом книгу "Линия фронта на Востоке". Первая часть этой книги вышла в московском издательстве "Советский писатель". Вторую часть отказались издавать, ибо в ней правдиво рассказывалось о роли местного населения в уничтожении евреев. По просьбе Ариадны Громовой я вел дело в суде о взыскании авторского гонорара за вторую часть книги, ибо по закону она имела на это право. Вопрос об издании второй части книги был передан на рассмотрение в отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС. Там заняли твердую позицию: "вторую часть книги "Линия фронта на Востоке" не издавать". А на словах объяснили, что книга будет издана, если автор удалит из нее всё, что касается роли местного населения в уничтожении евреев. Ариадна Громова на это не соглашалась. Это было в 60-х годах. Теперь, когда наступила так называемая "гласность", когда многое увидело свет, вторая часть книги "Линия фронта на Востоке" так и не издана.

Ради справедливости следует отметить, что бывали отдельные случаи, когда местное население на оккупированной немцами территории спасало евреев, чаще еврейских детей и рисковало при этом жизнью. Но это были исключе-

ния. Об общей картине свидетельствует неумолимая статистика. В составе Красной армии воевало 500.000 евреев, из них погибло 200.000. На оккупированной немцами советской территории при содействии местного населения было уничтожено примерно полтора миллиона евреев.

ШТРАФНОЙ БАТАЛЬОН И ГОРНАЯ РЕКА

Штрафные роты и штрафные батальоны были созданы по сталинскому приказу № 227 от 28 июля 1942 года и попадавшие туда обычно по трибунальским приговорам бойцы обязаны были искупить свою вину кровью. Их бросали на самые опасные участки фронта и тут - как кому повезет. Боец мог погибнуть, а мог отделаться легким ранением и уже считался искупившим вину, ибо пролилась кровь.

Хочу рассказать о другом применении штрафного батальона, чему я был свидетелем.

При подготовке наступления осенью 1943 года командование Черноморской группы войск возлагало серьезную задачу на один кавалерийский корпус и туда была послана оперативная трибунальская группа для срочного рассмотрения дел, в состав которой я вошел в качестве секретаря. Корпус в это время дислоцировался далеко в горах, в условиях плохого

снабжения продовольствием и боеприпасами. Для обеспечения бесперебойного снабжения необходимо было построить мост через бурную горную реку. Мост пытались строить несколько раз, и река тут же сносила его. Тогда командир корпуса приказал снять с передовой штрафной батальон и поручить ему построить мост. Мост надо было строить в ледяной воде. Штрафникам было объявлено, что если они построят мост, который река не снесет, то их батальон перестанет быть штрафным и ему присвоят обычный номер.

Командир корпуса распорядился не ограничивать выдачу штрафникам водки. После получасового пребывания в ледяной воде бойцы выскакивали на берег, накачивались водкой без ограничения и вновь отправлялись в ледяную воду. Несколько раз у них ничего не получалось. Но все же в конце концов им удалось построить мост, который река не сорвала, и по этому мосту смогли пройти автомашины с необходимыми грузами и артиллерия.

Командир корпуса в торжественной обстановке на берегу реки у моста объявил о том, что батальон перестает быть штрафным и ему присваивается обычный номер. Каждый из штрафников признавался искупившим свою вину. Для этого были основания в законе. Осужденные направлялись в штрафной батальон по приговорам Военных трибуналов в соответствии с примечанием 2 к статье 28 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года, а во втором абзаце этого примечания говорилось, что в отношении военнослужащих, проявивших себя в составе

действующей армии стойкими защитниками страны, допускается по ходатайству соответствующего военного начальства освобождение от назначенного ранее наказания по определению суда, вынесшего приговор. Все это было позже оформлено, но нужно было видеть этих людей, когда генерал читал приказ о том, что они больше не штрафники. Для всех этих людей это было второе рождение, ибо штрафбат и смерть были слова-синонимы.

Однако длительное пребывание в ледяной воде не могло пройти бесследно для строителей моста. Было ясно, что многих из них ждут неизлечимые заболевания, а то и смерть.

В ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ 36-ГО РАЙОНА АВИАЦИОННОГО БАЗИРОВАНИЯ

Меньше года был я секретарем Военного трибунала 36-го района авиационного базирования. Это был конец 1942 и начало 1943 года. Наш район включал батальоны аэродромного обслуживания от Адлера до Сухуми, входил в 5-ю Воздушную армию. Авиационные соединения этой армии были заняты в тот период бомбежкой Украины, оккупированной немцами. На Украину они летали с кавказских аэродромов. Штаб нашего района и соответственно Военный трибунал находился сначала в селе Верхние Мерхеули около Сухуми, а потом в Новоафонском монастыре. Для рассмотрения дел состав нашего трибунала курсировал от Адлера до Сухуми. Дела рассматривались на аэродромах, где базировались авиационные полки, а иногда судили и военнослужащих из батальонов аэродромного обслуживания.

Летчики проявляли героизм в каждом боевом вылете. Самолеты возвращались с Украины после выполнения задания с пробоинами, с висящими кусками обшивки, с серьезными повреждениями. Казалось удивительным, как этот самолет смог дотянуть до своего аэродрома, и уж совсем нельзя было себе представить, что он сможет когда-нибудь снова подняться в воздух. Но самолетов не хватало, и техники в полной темноте, ибо светомаскировка соблюдалась строго, приводили их в порядок, латали, подклеивали, ремонтировали. Спустя несколько часов самолеты снова поднимались в воздух и летели снова бомбить Украину, оккупированную немцами.

Казалось бы, кого же было судить в авиационных подразделениях, когда люди проявляли героизм, выдержку, сноровку, техническую смекалку и взаимную выручку.

Но еще до службы в авиации я слышал армейское выражение: "Там, где начинается авиация, кончается порядок". Так любили говорить в пехоте, завидуя то ли повышенным авиационным нормам питания, то ли престижности летной службы. Познакомившись с авиацией, я быстро убедился в справедливости слов об отсутствии в авиации порядка. Хотя самолетов не хватало, потери самолетов из-за нарушения авиационных правил на своих аэродромах иногда превышали боевые потери. С этими нарушениями было связано много трибунальских уголовных дел. В эксплуатации тогда были ЯКи и ИЛы - самолеты конструкции Яковлева и Ильюшина. Конструкция у самолета

ИЛ-10 была такова, что в полете пилот имел в пилотской кабине достаточный обзор для наблюдения. Но при передвижении по аэродрому пилот не имел обзора. Поэтому были частые случаи, когда пилот задерживался с передвижением по аэродрому, за это время менялось расположение самолетов на летном поле, и один самолет при маневрировании натыкался на другой. Часто удар приходился по бензобаку, происходил взрыв и пожар. Приходили в негодность или получали повреждения оба самолета, а иногда наносился ущерб и пилотам. Это происходило из-за нарушения инструкции, требовавшей, чтобы пилот перед самым маневром на аэродроме лично высунулся из кабины и убедился, где расположены на летном поле самолеты.

Такие трибунальские дела рассматривались часто. Запомнилось из них одно дело. Старшего лейтенанта Бердникова, пилота истребительного авиационного полка, судили за подобное нарушение авиационных правил, которое привело к выводу из строя боевого самолета-истребителя. Бердников был не только хорошим пилотом, но и прекрасным техником, хорошо знал материальную часть самолетов, умел их быстро ремонтировать.

Военный трибунал приговорил его к нескольким годам лишения свободы условно, и он был переведен командованием на работу в качестве техника. Он не только умело справлялся с трудной и ответственной работой, но внес очень интересное техническое предложение. У самолетов одной из конструкций был уязвим

хвост. Бердников сумел изменить конструкцию самолета так, что на хвосте нашлось место для кабины стрелка-радиста, для соответствующего вооружения, и противник уже больше не мог атаковать этот самолет с хвоста. Техническое предложение Бердникова было реализовано. Мне довелось участвовать в новом заседании нашего Военного трибунала 36-го района авиационного базирования, когда по ходатайству командования с Бердникова была досрочно снята судимость. Но благополучное завершение дела Бердникова – это редкостное исключение. Чаще летчиков Военный трибунал приговаривал к лишению свободы с отсрочкой исполнения до окончания военных действий, и они в боях должны были искупить свою вину. Многие из осужденных летчиков погибали в воздушных боях, а еще больше погибало, будучи направленными рядовыми бойцами в пехоту и особо в штрафные батальоны.

Боевые летчики так же, как многие офицеры и солдаты на передовой, отрицательно относились к тыловикам, интендантам за плохое снабжение и особо к работникам военных комендатур, требовавшим соблюдения формы одежды, порядка и т. д. Был случай, когда летчики, возвращаясь с боевого задания, обстреляли здание комендатуры Армавира. Велось расследование, но виновных не нашли.

Часто в том беспорядке, который существовал в авиации, было виновато более высокое начальство, а оно попадало под Военный трибунал редко. Между тем головотяпство высокого начальства наносило заметный ущерб

ходу боевых действий военной авиации. В наш район авиационного базирования неоднократно прилетали с тренировочного аэродрома авиационные полки, которые не могли участвовать в боях. Большинство летчиков болело. Оказывается, высокое начальство для тренировочного аэродрома выбрало в Армении место, которое известно как малярийное. Летчиков трясло от малярии, они не только летать, но и ходить не могли. Авиационные полки из-за приступов малярии выводились из строя, но сменить тренировочный аэродром высокое начальство не удосужилось на протяжении длительного времени. Чем дольше я имел отношение к авиации, тем справедливее для меня звучали слова пехотинцев: "Там, где начинается авиация, кончается порядок".

НА ДАЧЕ № 6 НКВД (ДАЧЕ БЕРИЯ ПОД СОЧИ)

Зимой 1942–1943 гг. я находился в поселке Магры в Военном трибунале Черноморской группы войск. Член Военного трибунала Черноморской группы войск Рябов и я были посланы на дачу № 6 НКВД (тогда дачу Берия) около Сочи для рассмотрения особо сложных и серьезных дел. Дача была расположена на берегу моря, имела большой сад и оранжерею.

Прежде всего нам следовало рассмотреть дело, по которому было двое обвиняемых: командир и комиссар дивизии, обвинявшиеся в том, что их дивизия в панике отступала с позиций, оборона которых ей была поручена.

Это дело было возбуждено и расследовано в связи со сталинским приказом № 227 от 28 июля 1942 года, который получил название "Ни шагу назад". В этом приказе Сталин требовал прекратить отступление и угрожал командирам и комиссарам отступающих частей разжалованием и военным судом. Рассмотрение дела, возбужденного в соответствии со сталинским приказом, произвело на меня тягостное впечатление. Детально рассматривались все обстоятельства и было ясно, что ни командир дивизии, ни комиссар дивизии ничего не мо-

гли сделать; у немецких войск было такое превосходство в боевой технике и численности людского состава, что отступление дивизии предотвратить было нельзя. И все же был вынесен обвинительный приговор и самые суровые меры наказания. На этой даче № 6 Рябов и я прожили две недели. Спустя короткое время я понял, что на даче расположено Управление "СМЕРШ" Черноморской группы войск. В одной из комнат рассматривал дела наш Военный трибунал. На втором этаже дачи комнаты были приспособлены под камеры и там сидели подследственные, дела которых расследовались Управлением "СМЕРШ". Вскоре я убедился, что в каждую камеру подсажены "наседки" и "стукачи", которые призваны выудить у подследственных признания. Обнаружил я это, когда сдавал машинисткам для перепечатки трибунальские документы, протоколы и приговоры, а у машинисток увидел переданные им для перепечатки донесения "наседок" и "стукачей". Каждая "наседка" и "стукач" имели свой условный псевдоним, свою кличку и на донесениях были проставлены номера камер. На даче была хорошая столовая Военторга для офицеров Управления "СМЕРШ" и из этой же столовой подкармливали "стукачей" и "наседок" для поощрения их деятельности по заданиям следователей. Символично было то, что дача Берия была разгорожена на кабинеты для следователей и камеры для заключенных, и в этой даче расположилось Управление, подчиненное тому ведомству, хозяином которого являлся тогда хозяин этой дачи.

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ АРМАВИРСКОГО ГАРНИЗОНА. СТАРОСТЫ, ПОЛИЦЕЙСКИЕ, ЖАНДАРМЫ

Вскоре после освобождения Красной армией одного из крупнейших городов Кубани Армавира я был назначен секретарем Военного трибунала Армавирского гарнизона Северо-Кавказского фронта. Центр города был разрушен, многие улицы состояли сплошь из развалин, но для Военного трибунала нашли целое здание. Фронт был близко, немцы продолжали бомбить город, и от положения на фронте, проходившем по "голубой линии" реки Кубань, зависело многое, в том числе и поведение обвиняемых и свидетелей по многим делам, которые рассматривались в Военном трибунале. Помнится, что когда Военный трибунал Армавирского гарнизона в выездной сессии в одной из станиц приговорил бывшего старосту этой станицы к расстрелу, то он обратился к

составу трибунала со словами: "Спасибо, граждане судьи". А потом повернулся спиной к стоявшим рядом свидетелям и сказал: "А с вами, сволочами, еще рассчитаемся".

Никогда ни в одном из Военных трибуналов я не видел такого количества дел. В период немецкой оккупации Кубани во всех окрестных станицах был создан из местного населения мощный аппарат администрации, полиции, жандармерии. Тысячи людей, включая интеллигенцию, пошли служить к немцам. Немцам удалось сформировать вспомогательные воинские формирования. С ними отступило 20 тысяч человек.

В книге Геллера и Некрича "Утопия у власти" говорится, что на Кавказе, в Крыму, в Калмыкии число коллаборантов было относительно невелико, что точными данными авторы не располагают, так как советские источники умалчивают об этом. Замечание о том, что советские источники умалчивают об этом, справедливо, но предположение, что число коллаборантов было относительно невелико, грешит против истины. Только Военный трибунал Армавирского гарнизона рассмотрел тысячи дел о старостах, полицейских и жандармах, действовавших на Кубани. Такие дела рассматривались и другими Военными трибуналами, находившимися на Кубани. Дела Военным трибуналом Армавирского гарнизона рассматривались не только в Армавире, но на выездных сессиях трибунала в станицах Успенская, Новокубанская, Гулькевичи, Лабинская, Упорненская, Советская и других.

Дел было столько, что они не помещались в

трибунальских шкафах и хранились в обширном подполье здания трибунала. Периодически большие партии мешков с рассмотренными делами отправлялись с вооруженной охраной в Краснодар для сдачи в архив Киевского Управления Министерства внутренних дел.

В советской печати наряду с умолчаниями о действительных событиях, имевших место на Кубани, встречается и прямое искажение фактов. В очерке "Краснодар" Константин Симонов написал: "В течение шести месяцев изо дня в день вербовали "кубанскую армию", которая в конце концов оказалась "некомплектной сотней". Они выдавали хлеб и сто пятьдесят рублей в месяц семьям иуд, пошедших служить в германскую армию, но за эти тридцать сребреников, несмотря на все старания, со всей Кубани не набралось и ста предателей. Люди голодали, пухли от голода, но не сдавались, умирали, но не предавали Родину".

В этом очерке К. Симонов сознательно искажает известные ему факты. Он был в 1943 году на Кубани, был в Армавире, был у нас в Военном трибунале. Я и другие офицеры беседовали с ним и рассказывали о масштабах полицейского движения. Он знал, что при отступлении немцев с ними ушла не "некомплектная сотня", а 20.000 казаков. Симонов пишет, что не набралось и сотни предателей, а они исчислялись тысячами. На плодородной Кубани в период оккупации никто не голодал, не пух от голода, а на службу к немцам шли.

ЕВРЕЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ НА КУБАНИ

На Кубани до Второй мировой войны евреев было мало. Только в Краснодаре и Армавире был заметный процент еврейского населения. Но во время войны, в 1941–42 годах на Кубань попало много евреев, бежавших с Украины при ее оккупации немецкими войсками. Кроме того, на Кубань были эвакуированы многие ленинградские детские дома и детские сады, где было значительное число еврейских детей.

Бежавшие с Украины и эвакуированные из Ленинграда еврейские женщины и мужчины, старики и дети подвергались уничтожению на Кубани.

В период отступления Красной армии я видел несчастные еврейские семьи с жалким скарбом или вовсе без вещей, передвигавшиеся по дорогам Украины, Дона и Кубани, чтобы укрыться где-либо от грозящей опасности. Но на Кубани эти еврейские беженцы были настигнуты немец-

кой армией. Здесь так же, как и во всех других районах СССР, оккупированных немцами, уничтожение евреев проводилось лишь под общим руководством немецких властей. Решающую же роль в выявлении, задержании и уничтожении евреев играли старосты, жандармы, полицейские, т. е. представители местного населения.

Так, в станице Успенской на Кубани начальник волостной полиции Ветров лично расстрелял из пистолета 315 евреев. Перед вырытым рвом были поставлены обреченные на смерть евреи – женщины, мужчины, старики, дети. Их охраняли полицейские. А начальник волостной полиции Ветров передвигался вдоль стоявших у рва евреев и расстреливал их из пистолета почти в упор. Среди стоявших была молодая еврейка с Украины по фамилии Молдавская. Рядом стояли ее отец, мать, братья и сестры. Все они были уничтожены. Лишь Молдавской удалось бежать. Она воспользовалась моментом, когда внимание было сосредоточено на том конце стоявших, где раздались выстрелы, а она была в другом конце. Молдавская стремглав юркнула под покровом темноты в кукурузу, убежала из станицы Успенской и на протяжении семи месяцев немецкой оккупации Кубани скрывалась у русской женщины в селе Конаково, находящемся в 7 км от станицы Успенской.

Ветров при отходе немецких войск бежал с немцами, но был пойман и возвращен на место совершения преступлений. Когда его судили и приговорили к расстрелу, то Молдавская была

главным свидетелем. Она была важным свидетелем и при рассмотрении в нашем Военном трибунале дела по обвинению старосты станицы Успенской, ибо дала показания об обнаруженных в доме старосты вещах, которые раньше принадлежали ее уничтоженной семье.

На Кубани в период немецкой оккупации большое число местных жителей служило в полиции и жандармерии. Считалось, что невозможно осудить всех, служивших в полиции. Военным трибуналом было дано указание, кого и как судить из числа бывших полицейских. Если человек служил в полиции, но активности не проявлял, то его вообще не судили. Если служил в полиции и проявлял активность, то ему грозило лишение свободы на срок до 10 лет. Если принимал участие в избиениях или издевательствах над советскими гражданами и военнопленными, то мог быть осужден к каторжным работам. Если принимал участие в уничтожении советских граждан и военнопленных, то мог быть приговорен к расстрелу, а после вступления в силу Указа Президиума Верховного Совета от 19 апреля 1943 года - к смертной казни через повешение.

Та или другая степень участия полицейских и старост в карательных операциях, в том числе в операциях по уничтожению евреев, выявлялась подчас случайно. Помню, приехал наш Военный трибунал из Армавира в одну из кубанских станиц рассматривать ряд дел. Трибунал должен был судить среди других полицейского, которого в этой станице все хо-

рошо знали. До службы в полиции, в советское время, он работал киномехаником, а это лицо в сельской местности всегда известное. Он служил активно в полиции и скорее всего должен был быть осужден к лишению свободы. Как-то вечером я беседовал с хозяйкой дома, в котором поселился в этой станице на время выездной сессии нашего Военного трибунала. Она мне рассказала, что этот полицейский, бывший киномеханик, в день, когда расстреливали евреев, заходил к ней в дом одолжить лопату. Ее рассказ нуждался в проверке. Но при подтверждении это означало, что бывший киномеханик по крайней мере закапывал трупы, а может быть, и участвовал в расстреле. В этом случае ему грозило уже не лишение свободы, а каторжные работы или смертная казнь.

Кроме массовых расстрелов евреев – беженцев с Украины, из всех эвакуированных на Кубань ленинградских детских домов и детских садов отбирали еврейских детей, помещали их в автомашины – душегубки, отравляли газом, а детские трупы сжигали или закапывали. После ухода немцев с Кубани приезжали иногда родители разыскивать своих детей. Были редкие случаи, когда местные жительницы, кубанские казачки, забирали к себе еврейских детей, которым грозила гибель, и скрывали их у себя, рискуя жизнью. Помню случай, когда еврей – офицер Красной армии – после изгнания немцев с Кубани нашел своего ребенка в доме вдовы-казачки, скрывавшей мальчика все дни оккупации. У этого офицера погибла при

бомбежке жена, и он женился на женщине, спасшей его ребенка. Но все же случаи, когда местное население спасало еврейских детей, были весьма редкими. Общим правилом было другое – активное участие всего местного населения, старост, полицейских, жандармов в розыске и обнаружении всех скрывавшихся евреев, в акциях по их уничтожению и в дележе изъятого у них имущества. Кубанская земля обильно полита еврейской кровью. В ней нашли последнее пристанище тысячи украинских евреев и многие сотни еврейских детей из Ленинграда. До сих пор не все участники этих кровавых злодеяний понесли заслуженное наказание, а советские власти и во время "гласности" не допускают в печать правдивую информацию о событиях тех лет.

*

Этот очерк я недавно читал в аудитории, где собралось много пожилых людей. Стояла тишина, слушали со вниманием. Я же подумал: "Зачем я рассказываю о том, что было давным-давно? Со времени этих событий прошло почти полвека".

По окончании чтения ко мне подошла красивая блондинка и сказала: "Спасибо за этот очерк. Я одна из тех ленинградских детей. Меня не уничтожили тогда на Кубани, ибо не смогли определить мою национальность. Меня спасло то, что я блондинка".

ЦЫГАНЕ И ЛОШАДИ

Гитлер поставил перед собой задачу уничтожить не только евреев, но и цыган. Однако уничтожение цыган не осуществлялось с такой последовательностью, как уничтожение евреев, и после изгнания гитлеровцев, например, с Кубани, там оставалось довольно много цыган. Цыгане всегда любили кочевать по плодородной Кубани. Если бы кто-либо рассказал мне о том, что я увидел после отхода немецких войск с Кубани, я бы никогда не поверил. Но я увидел собственными глазами, как цыгане, у которых забрали лошадей для Красной армии, сами впрягались вместо лошадей в свои таборные повозки и перевозили их с одного места на другое на большие расстояния. Так велико было их неистребимое стремление к кочевой жизни.

Вскоре нашему Военному трибуналу пришлось столкнуться с цыганами и узнать их

поближе. Сотни цыган, кочевавших по Кубани, не имели паспортов, не имели постоянного места жительства и уклонялись от службы в Красной армии. В 1943 году, когда с людскими резервами было плохо, 15 цыган были арестованы и предстали перед Военным трибуналом Армавирского гарнизона по обвинению в уклонении от мобилизации в Красную армию. На суде они в один голос говорили, что хотят служить в армии, что они случайно еще не попали на военную службу, что они прекрасные кузнецы, любят лошадей, будут их подковывать и просят их направить в кавалерию на фронт. Военный трибунал, учитывая первую судимость и высказанное желание идти в армию, осудил их к лишению свободы, но с отсрочкой исполнения приговора и с направлением на фронт.

Для исполнения приговора эти пятнадцать цыган из Военного трибунала Армавирского гарнизона были направлены на Армавирский военно-пересыльный пункт. На пункте находился запасной полк и производилось формирование воинских подразделений для направления на фронт. Здесь формировались маршевые роты и штрафные батальоны. Почти всегда там было много тысяч солдат. Прибывшие на пункт цыгане в первый же вечер по прибытии устроили для всех большой концерт. Они пели и плясали до поздней ночи. Долго не смолкали шутки и смех. Во время концерта они рассказывали, как будут служить в армии на фронте, как будут подковывать лошадей. Ночью все пятнадцать цыган сбежали с военно-пересыльного пункта.

Дело приняло серьезный оборот. Сбежали люди, уже осужденные Военным трибуналом. В условиях военного времени было ясно, что если они будут пойманы и предстанут снова перед Военным трибуналом, то им грозит смертная казнь. Были приняты специальные меры по розыску сбежавших цыган. К этому розыску были привлечены войска НКВД. Двух из бежавших цыган нашли, и Военный трибунал Армавирского гарнизона приговорил их к расстрелу. Их повторные обещания и просьбы были отвергнуты. Были приняты особые меры охраны осужденных к расстрелу. Остальных тринадцать цыган так и не нашли.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР РУССКОЙ ГАЗЕТЫ ПЕРЕД СУДОМ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Немецко-фашистские войска оккупировали значительную часть России, в их руках оказались сотни больших и малых городов, станиц и сел. Везде они создавали свои органы управления, полицейские и жандармские формирования, назначали старост и бургомистров. Но немцы стремились оказывать и соответствующее идеологическое воздействие на местное население. Везде и всюду на оккупированной территории начали издаваться новые газеты. Эти газеты возникали по указанию немцев или с их одобрения. В Берлине издавалась газета на русском языке "Русское слово". Местные газеты на всей оккупированной территории перепечатывали из нее материалы.

На Кубани многие крупные станицы больше, чем районные городки в других областях СССР.

Среди кубанских станиц известны Усть-Лабинская и Лабинская. Немцам очень понравилась станица Лабинская и они переименовали ее в город Лабинск.

В оккупированном Лабинске начала тоже выходить газета на русском языке. Ее главным редактором стал бывший преподаватель русского языка и литературы лабинской школы Жарков. Он не ушел с немцами при их отступлении и предстал перед Военным трибуналом Армавирского гарнизона.

Жарков обвинялся в антисоветской агитации и пропаганде. Он пытался в трибунале доказать, что большинство статей в его газете были перепечаткой из газеты "Русское слово" и что делалось это по указанию немецких властей. Обвинение предъявило трибуналу много других статей, которые не были перепечаткой из "Русского слова", а были написаны самим Жарковым на местном материале. Фигурировали статьи с подробным и правдивым описанием пыток в подвалах НКВД, ужасов коллективизации и раскулачивания, голода, организованного советскими властями. Но больше всего ставились в вину Жаркову статьи на литературные темы.

Председатель военного трибунала негодующе упрекал его: "Всю жизнь преподавали русскую литературу. Ваш сын служит в Красной армии. А написали статью с клеветой на Алексея Максимовича Горького".

В этой статье клеветы не было, а сообщались сведения о А. М. Горьком, которые в советской печати не публиковались. В газете,

которую редактировал Жарков, публиковались и антисемитские материалы. Обычные штампы нацистской пропаганды "о борьбе с жидами и коммунистами" не сходили со страниц всех подобных газет. Но антисемитизм меньше всего ставился ему в вину, об этом предпочитали не упоминать. Главное обвинение было в антисоветской агитации и сотрудничестве с немцами. Судили Жаркова по статье 58^{10} Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 года. В ней говорилось: "Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания, влекут за собой – лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой – меры социальной защиты, указанные в статье 58^2 настоящего Кодекса". Эта статья предусматривает "высшую меру социальной защиты – расстрел".

Такую меру наказания мог бы получить в Военном трибунале и Жарков, но ему повезло. Дело рассматривалось в такое время, когда Военный трибунал Армавирского гарнизона Северо-Кавказского фронта имел связь с тылом и можно было применить лишение свободы. Военный трибунал учел преклонный возраст обвиняемого, наличие у него сына в Красной

армии, применил статью 51 Уголовного кодекса, позволяющую перейти к другой, менее тяжкой мере наказания, и осудил Жаркова не к расстрелу, а к десяти годам лишения свободы. Издававшаяся им газета, как и многие сотни других газет, выходивших на оккупированной территории, останутся интереснейшими историческими документами того времени и заслуживают пристального изучения историков.

ИНВАЛИД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ИЗ НЕМЕЦКОГО ДОМА ТЕРПИМОСТИ

На оккупированной гитлеровскими войсками Кубани значительное число местных жительниц сожительствовало с немецкими офицерами и солдатами. После ухода немецких войск в каждом почти доме, где жили немецкие офицеры и солдаты, на туалетных столиках можно было видеть самую различную парфюмерию из подвластных немцам европейских стран, подаренную немцами своим временным сожительницам. Во многих городах Кубани немцы организовали дома терпимости. Такие дома были в Краснодаре, Кропоткине (станица Кавказская), Лабинске и других. Немецких офицеров и солдат в этих домах обслуживали большей частью жены офицеров Красной армии. Было в этих домах терпимости много и молодых незамужних женщин. Когда немцы объявили набор женщин в эти заведения, то добровольно являлось больше, чем нужно было. Так было, например, в Кропоткине.

Однажды советская авиация поздно вечером бомбила оккупированный немцами Лабинск и советская бомба случайно попала в лабинский дом терпимости. В результате была контужена одна из женщин, работавшая в этом заведении. Взрывной волной ей свернуло набок шею. Лабинск – городок небольшой, и все местное население знало об этом эпизоде. Знало, что эта женщина была контужена в объятиях немецкого офицера от взрыва советской бомбы. Вскоре она переехала в другой город на Кубани, где ее не знали, и после возвращения советских войск стала получать пенсию как инвалид Отечественной войны.

Тысячи действительных инвалидов войны не могли добиться получений пенсий. Приходил человек без руки и от него требовали достоверных письменных доказательств, где и когда он потерял руку, а то и доказывали, что у него ее и не было вовсе. А тут женщина, контуженная советской бомбой в то время, когда она ублажала немецкого офицера, была признана без всяких проволочек инвалидом Отечественной войны.

Этот эпизод был установлен при рассмотрении в Военном трибунале Армавирского гарнизона дела о лицах, сотрудничавших с немцами.

РАССТРЕЛ ОТМЕНЯЕТСЯ ИЗ-ЗА МЯГКОСТИ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ

В советской печати обычно утверждается, что первыми судебными процессами, на которых вынесли приговоры о смертной казни через повешение по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, были Харьковский и Краснодарский. Но это не так. До этих процессов был процесс в Армавире над начальником полиции Армавира Сосновским, и он был первым, кого повесили в СССР по этому Указу.

До оккупации немецко-фашистскими войсками Армавира, одного из крупнейших городов на Кубани, Сосновский был экономистом в исполкоме этого города.

Мне в качестве секретаря Военного трибунала Армавирского гарнизона Северо-Кавказского фронта довелось весной 1943 года участвовать в суде над Сосновским. Он был при-

знан виновным в значительном числе преступлений. Среди них было обвинение в руководстве акциями по уничтожению евреев и военнопленных красноармейцев, а также захваченных полицией советских парашютистов и многое другое.

Во время рассмотрения дела Сосновского в Военном трибунале все обращали внимание на то, что этот высокий и чрезвычайно худой человек едва жив. Еще до вынесения приговора он был похож на покойника. Когда в апреле 1943 года был вынесен приговор, осуждавший Сосновского к расстрелу и подлежавший рассмотрению в порядке надзора Военным трибуналом Северо-Кавказского фронта, сомневались, доживет ли Сосновский до исполнения приговора, хотя в условиях военного времени вышестоящие трибунальские инстанции и Военная Коллегия Верховного суда СССР весьма оперативно сообщали о своем отношении к вынесенному приговору. Более того, в Положении о военных трибуналах, введенном в действие 22 июня 1941 года, было сказано, что о каждом приговоре, присуждающем к высшей мере наказания, военный трибунал немедленно по телеграфу сообщает Председателю Военной Коллегии Верховного суда СССР и Главному Военному Прокурору, и в случае неполучения в течение 72 часов с момента вручения телеграммы адресату телеграфного сообщения от Председателя Военной Коллегии Верховного суда СССР или Главного Военного Прокурора о приостановлении приговора, таковой приводится в исполнение. Шифрованные телеграммы о расстрелах ши-

роким потоком шли от военных трибуналов дивизий, армий, фронтов, и в каждом трибунале ежечасно ждали ответных шифровок.

На этот раз по делу Сосновского пришла шифрованная телеграмма из Краснодара в Армавир от Военного трибунала Северо-Кавказского фронта, которая озадачила всех работников нашего трибунала. В шифровке говорилось, что приговор к расстрелу в отношении Сосновского отменяется из-за мягкости избранной меры наказания. Наши трибунальцы еще не знали, что принят новый Указ, предусматривающий повешение и каторжные работы, и что соответствующие инстанции перед повешением двух групп, в Харькове и Краснодаре, решили проверить, как этот Указ будет действовать на практике, как всё это технически произойдет, и решили впервые применить новый Указ к Сосновскому.

Дело было рассмотрено вновь, и в соответствии со статьей 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года "О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родине из числа советских граждан и для их пособников", Сосновский был приговорен к повешению.

Казнь должна была быть произведена на одной из площадей Армавира. Население об этом было предварительно извещено. К назначенному времени площадь была заполнена народом. На деревьях и крышах окрестных домов

расположились мальчишки. Сосновский находился в кузове грузовой автомашины. Председатель Военного трибунала огласил приговор. На шею Сосновского надели петлю, автомашина отъехала и казнь свершилась. Но в этот момент произошло неожиданное. По Указу от 19 апреля 1943 года повешенный должен был висеть на площади три дня для публичного обозрения. Однако, как только автомашина отъехала, к повешенному подскочили инвалиды войны и стали палками и костылями его бить. В результате обнажилось тело. Этот инцидент был учтен и при последующих повешениях в Краснодаре и Харькове место казни тщательно охранялось воинскими подразделениями, чтобы не было подобных неожиданностей.

Труп Сосновского висел на армавирской площади три дня. Большинство людей обходили это место стороной. Вспоминали, что на этой площади в период немецкой оккупации немцы повесили несколько местных жителей за воровство и они тоже висели три дня.

Осуществляя репрессивные меры, советские и немецкие карательные органы использовали опыт друг друга, воспринимали и осуществляли сходные методы, разработанные другой стороной.

Публичная казнь в Армавире показалась мне варварством и еще раз убедила меня в том, что такая мера, как смертная казнь, должна быть исключена из Уголовных кодексов тех стран, где она еще сохранилась.

ЧЕКИСТСКАЯ ОПЕРАЦИЯ, ПРОВЕДЕННАЯ БЕРИЯ НА КУБАНИ

Кровавый приспешник Сталина – Берия осуществил в 1943 году на Кубани чекистскую операцию, о которой нигде и никогда ничего не публиковалось.

Чтобы был ясен смысл и характер этой бериевской операции, следует коротко рассказать об обстановке на Кубани тех лет.

В 1942 году Красная армия ушла с Кубани разбитая, раздетая, голодная. Немцы пришли сытые, чистенькие, хорошо вооруженные. У многих местных жителей создалось впечатление, что немцы пришли всерьез и надолго. К тому же они допускали некоторое послабление, по сравнению со своей обычной репрессивной оккупационной политикой в отношении казаков Кубани, чтобы создать из них вспомогательные воинские формирования. Немцам это удалось. Они были на Кубани 7 месяцев. С ними отступило 20 тысяч казаков.

В период немецкой оккупации Кубани многие представители местной интеллигенции пошли служить к немцам. Начальником полиции крупнейшего на Кубани города Армавира был бывший экономист райисполкома Сосновский. Бургомистром Армавира был бывший городской архитектор Ратайчак. Бургомистром Успенской волостной управы был бывший главный хирург станицы Успенской. Следователями полиции в Краснодаре - столице Кубани - стали два бывших местных адвоката. В станице Лабинской, которая очень понравилась немцам и которую они переименовали в город Лабинск, в период оккупации стала издаваться для местного населения газета на русском языке. Главным редактором этой газеты стал бывший преподаватель русского языка и литературы лабинской школы.

Кубанская земля на редкость плодородна. Среди других культур много земли занято под подсолнухи. Немцам было в диковинку, что везде и всюду люди щелкают семечки подсолнуха. У них было полно шоколада европейского производства, и семечки они стали иронически называть "сталинский шоколад". Но через некоторое время сами начали охотно щелкать семечки, а позже, когда в Германии было плохо с продовольствием, оборудовали на всех рынках Кубани мастерские по изготовлению жестяных бидонов и в них отправляли своим родным в Германию подсолнечное масло. Плодородная Кубань в изобилии снабжала немецких оккупантов своими дарами. Красная армия, которая отошла с Кубани в бесплодные горы в

районе Туапсе, снабжалась очень плохо. Солдат на передовой вовсе не получал хлеба, а выдавали ему в день 200–300 граммов муки, и из нее в котелке он сам готовил себе какую-то еду.

В школах на Кубани учительницы говорили своим ученикам, что в горах у Туапсе последние красноармейцы умирают на кислицах. Кислицами называют твердые и мелкие дикие груши. Солдаты нашей 12-ой армии действительно собирали эти кислицы, варили и пытались их есть за неимением ничего другого. Испытывая голод, солдаты ненавидели не только немцев, но и население Кубани, сотрудничавшее с немцами и снабжавшее их в изобилии сливочным маслом, сметаной, пшеничным хлебом, мясом, вином, фруктами.

Когда Красная армия начала наступление, чтобы изгнать немцев с Кубани и местное население услышало мощные артиллерийские залпы, то в кубанских школах учительницы объясняли детям, что это наступает не Красная армия, она уничтожена немцами, а американцы, англичане и негры. Наша 12-ая армия состояла в значительной степени из морских бригад. Моряки были одеты в черные бушлаты и на них были погоны. Когда Красная армия отступала, у нее погон еще не было. Вид наступавших моряков в черных бушлатах с погонами был для кубанского населения непривычен. Но когда моряки в первой же занятой ими кубанской станице продемонстрировали многоэтажный русский мат, то стало ясно, что это не американцы, не англичане и не негры, а свои.

Однако моряки не ограничились матом. В каждой станице, испытывая ненависть к сотрудничавшим с немцами, они стали собирать старост, полицейских и расстреливали их без суда и следствия. В результате старосты, полицейские, а вместе с ними дезертиры из Красной армии и просто мужчины, жившие в период немецкой оккупации у себя дома и не сотрудничавшие с немцами, побоявшись бессудной расправы, стали уходить в леса и там собираться в своеобразные отряды. Эти отряды, которые советские власти прозвали бандами, сформировались из людей, решивших, что моряки будут расстреливать всех мужчин, живших на оккупированной территории. Немцы забрасывали в эти отряды своих инструкторов. Такой отряд или банда выходила подчас из леса к тому месту, где по указанию советских властей женщины восстанавливали мост или шоссейную дорогу. Проводили с женщинами митинг. Говорили им: "Мы не бандиты. Мы отряд армии генерала Власова. Не восстанавливайте мост для Красной армии. Скоро вернутся сюда обратно немцы". При этом забирали у женщин находившиеся у них продукты и говорили, что кринки из-под молока будут стоять на такой-то просеке.

Отрядов было много. Советско-германский фронт проходил совсем близко – по реке Кубань, по так называемой "голубой линии", и отряды в лесах представляли серьезную опасность для Красной армии.

Перед советскими властями встала задача ликвидировать эти отряды. Был разработан

план специальной чекистской операции, и его осуществлением руководил один из приспешников Сталина – Берия. Над кубанскими лесами с самолетов были сброшены листовки. На них было отпечатано "Обращение Совнаркома СССР к бандитам". В этом обращении говорилось, что члены банд, которые выйдут из леса, сдадут оружие в районные отделы НКВД, будут прощены, смогут свободно жить в своих станицах, а годные к службе в Красной армии будут направлены в армию. Те, кто не выйдет из леса, будут уничтожены.

В это же время была поймана группа скрывавшихся жандармов из станицы Каладжинской, которые в период оккупации повесили несколько партизан в этой станице. Военный трибунал Армавирского гарнизона с моим участием в качестве секретаря судил этих жандармов и, в соответствии со статьей 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года "О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников", приговорил их к смертной казни через повешение. Их повесили на том месте, где они повесили в период немецкой оккупации местных партизан.

Была поздняя осень. В лесах стало холодно. В лесных отрядах или бандах решили: "Поймают – повесят, попробуем выходить". Вышел сначала один отряд. Сдали оружие. Стали жить в станице. Никого из них не трогали. Стали

выходить другие отряды и так вышли почти все. Когда все вышедшие из лесов стали жить в станицах, их по-прежнему никто не трогал. Начались жалобы со стороны местных жителей. Писали: "Мой муж с 1941 года в Красной армии, жизнью рискует, а эти немцам служили и спокойно живут дома". Тогда было советскими властями объявлено, что все вышедшие из лесов направляются в Краснодар для отправки на службу в Красную армию.

Организаторы бериевской операции понимали, что часть вышедших из леса действительно можно отправить на службу в Красную армию, но часть из них так настроена, что тут же на фронте перейдут на сторону немцев. Одновременно организаторы операции не хотели, чтобы вышедшие из лесов и сдружившиеся в этих лесных отрядах или бандах знали, что их ждет разная судьба. Поэтому в Краснодаре провели будто бы формирование железнодорожных эшелонов с новым пополнением на фронт. В действительности бериевские органы произвели распределение по вагонам, исходя из своих данных. Из эшелона десять вагонов шло на фронт, а пять – на расстрел. Так было сформировано много эшелонов. Родных тех лиц, кого тайно расстреляли, ни о чем не извещали. От многих, направленных на фронт, в станицах стали получать письма, а от других нет. "Значит погиб в первом бою", – решали дома. За эту операцию Сталин наградил Берия очередным орденом.

В ЛАГЕРЯХ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ НЕМЦЕВ

В 1943 и 1944 годах мне с выездными сессиями Военного трибунала Армавирского гарнизона Северо-Кавказского фронта, а позже Военного трибунала Воронежского Военного Округа доводилось часто бывать в лагерях для военнопленных немцев, расположенных в Краснодарском крае и Воронежской области и соседних областях. Приезжали мы в эти лагеря рассматривать различные судебные дела, но одновременно наблюдали порядки и быт в этих лагерях.

Приехали как-то рассматривать дело по обвинению коменданта лагеря. Его судили прежде всего за то, что из-за плохой охраны бежал военнопленный немец, пробрался близко к линии фронта, и было потрачено много сил и средств на его розыск и задержание.

При рассмотрении этого дела выяснилось, что в лагере для военнопленных немцев были

довольно вольные порядки. Военнопленных, пользующихся доверием администрации, отпускали на несколько часов за пределы лагеря для работы в качестве мастеровых в соседние селения. Среди немцев были искусные печники, кузнецы, слесаря. Они умело помогали проживавшим в окрестностях лагеря колхозницам и возвращались в лагерь с деревенской провизией, служившей дополнением к скромному лагерному питанию. Больше того, многие немцы получали не только продукты, но и спиртное в качестве вознаграждения не только за свое профессиональное умение, а и за то, что заменяли колхозницам их мужей, воевавших в составе Красной армии или уже сложивших головы на советско-германском фронте. Эти немцы скрашивали солдаткам и вдовам их одиночество и щедро вознаграждались от всего женского сердца.

Бежавший немец, из-за которого судили коменданта, достал у своей сожительницы русскую гражданскую одежду и стал передвигаться к фронту, пользуясь на своем пути пристанищем у различных женщин, находя путь к их любвеобильным сердцам.

На территориях всех лагерей для немецких военнопленных, которые я повидал, были заметны чистота, порядок, торжество немецкой педантичности, аккуратности и хозяйственности. Любо было посмотреть на вырытые в земле и прекрасно зацементированные хранилища для хранения капусты на зимнее время. Многие военнопленные были квалифицированными столярами и изготовляли для лагеря и на продажу

вполне приличную мебель. Коменданта лагеря, виновного в побеге военнопленного, обвиняли и в злоупотреблениях, связанных с мебелью, изготовляемой для продажи. При рассмотрении дела присутствовал лишь офицерский состав лагеря, не были, естественно, допущены не только военнопленные, но и солдаты, осуществлявшие охрану лагеря. Субординация между офицерским и рядовым составом при рассмотрении трибунальских дел соблюдалась строго. Комендант лагеря был осужден к лишению свободы на короткий срок, но не должен был быть направлен в тюрьму. Это был старший лейтенант, годный к военной службе. Военный трибунал отсрочил исполнение приговора до окончания военных действий и направил его на фронт, в штрафной батальон, в соответствии с примечанием 2-ым к статье 28 Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 года.

Заканчивая эти короткие заметки о советских лагерях для немецких военнопленных, справедливо будет отметить, что в них были терпимые условия и они не были похожи на те немецкие лагеря, в которых лишь за зиму 1941 года погибло несколько миллионов советских военнопленных. Вину за их гибель в этих лагерях в равной степени несут Гитлер и Сталин. Это лишь одно в длинном списке преступлений, совершенных двумя этими убийцами миллионов людей.

ФИКТИВНО-ПРОВОКАЦИОННЫЕ ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ

Когда Вторая мировая война приближалась к концу, я стал просить командование перевести меня в Москву, где жили мои родители, ибо я стремился к демобилизации из армии и поступлению в аспирантуру. Я не смог добиться сразу перевода в Москву. Меня перевели из Военного трибунала Армавирского гарнизона Северо-Кавказского фронта в Военный трибунал Воронежского военного округа. Председателем Военного трибунала этого округа был сначала генерал-майор юстиции Марченко, а потом его сменил генерал-майор юстиции еврей Ревзис, прибывший из Забайкальского военного округа. Трибунал располагался в Воронеже, где в результате боев в городе было разрушено 92% жилых домов.

В город пришла из Германии 6-ая армия, бравшая Бреслау, и наш Трибунал рассматривал

обычные дела о дезертирах, членовредителях, полицейских, старостах, жандармах, участвовавших в уничтожении евреев и военнопленных, о солдатах и офицерах, пытавшихся перейти на сторону немцев. Среди всех этих дел выделялось большое дело о действовавшем в Воронежской области фиктивно-провокационном партизанском отряде. По делу было 11 обвиняемых, оно отличалось исключительной сложностью и рассматривалось долго.

В чем же суть этого дела?

На оккупированной немцами территории СССР проживало много отставших от своих воинских частей солдат и офицеров Красной армии, много не успевших эвакуироваться при отступлении Красной армии гражданских лиц, и многие из них были настроены против немецких оккупантов и были готовы вести активную борьбу против немцев. Немецкое военное командование было заинтересовано в том, чтобы выявить и уничтожить этих людей. С этой целью немцы поручали завербованным ими агентам создавать фиктивные партизанские отряды, вовлекать в них патриотически настроенных людей, а потом по тайному сговору с немецким военным командованием ставить такой партизанский отряд под удар немецких войск.

Сложность дела заключалась в том, что большинство обвиняемых отрицали свою вину. Они утверждали, что считали партизанский отряд, в котором служили, настоящим, не знали о его фиктивно-провокационном характере. Этот факт признавали лишь несколько

обвиняемых. Обвинению трудно было представить достоверные доказательства вины обвиняемых. Свидетели давали сбивчивые показания. Объективных письменных или каких-либо других вещественных доказательств не было.

Военный трибунал Воронежского военного округа вынес определение о направлении этого уголовного дела на доследование. После доследования дело вновь рассматривалось в Военном трибунале уже без моего участия. Был вынесен обвинительный приговор. У меня осталось твердое убеждение, что немецкое командование действительно создавало фиктивно-провокационные партизанские отряды, и таких было довольно много. Но для меня как юриста было ясно, что доказать вину обвиняемых по таким сложным делам чрезвычайно трудно, и в отношении многих обвиняемых по воронежскому делу я не видел достаточных доказательств для вынесения обвинительного приговора.

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НА КАЛЯЕВСКОЙ

По окончании Второй мировой войны я добился перевода в Москву, где жили мои родители, чтобы демобилизоваться и поступить в аспирантуру. В Москве я служил секретарем Военного трибунала Московского гарнизона, а позже был назначен секретарем Военного трибунала Московского военного округа.

Там я стал свидетелем взяточничества и мошенничества, выявленного в самом аппарате этого трибунала.

Взятки в России повелись давно и искоренить их чрезвычайно сложно. Салтыков-Щедрин говорил: "Взятка – женщина в летах, но вечно юная". Взятка нетерпима везде, но она особо нетерпима в суде, где должны царствовать закон и справедливость.

За что же и как брались взятки?

В Военном трибунале Московского военного округа рассматривалось много трибунальских

дел в кассационном порядке, ибо он являлся судом 2–ой инстанции для Военных трибуналов соединений, находившихся в Московском военном округе и для Военного трибунала Московского гарнизона.

Это был 1946 год, год послевоенный, и в кассационном порядке по многим делам меры наказания военнослужащим серьезно смягчались или осужденные подлежали вообще освобождению. От момента вынесения кассационных определений до их исполнения проходило дней десять. За эти дни старший секретарь Военного трибунала Московского военного округа капитан юстиции Буря выискивал в делах, по которым уже были вынесены определения о смягчении меры наказания, адреса родственников, вступал с ними в контакт, брал с них деньги за то, что мера наказания будет смягчена, и указывал до каких пределов. Все его "обещания" о снижении реализовывались, ибо он исходил из уже состоявшихся определений трибунала округа.

Буря совершил серьезное преступление, подлежащее двойной квалификации. Родных осужденных он склонял к даче взятки, а сам совершал мошеннические действия и использовал в корыстных целях свое служебное положение. Буря был разоблачен и предан суду трибунала.

При расследовании было выявлено, что он получал довольно крупные суммы денег и прокучивал их в московских ресторанах, завел знакомство с актрисой Московского цыган-

ского театра Лялей Черной и тратил много денег на нее.

Буря был лишен офицерского звания и осужден к лишению свободы. Это неприглядное дело старались сохранять в тайне, ибо ничто так не дискредитирует любое судебное учреждение как сообщение, что там имеют место взятки, корыстные злоупотребления, тем более когда речь идет о столичном и солидном органе военной юстиции.

ЗВЕРСТВА И МАРОДЕРСТВО СОВЕТСКИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ В ГЕРМАНИИ, ВЕНГРИИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ

В 1946 году перед демобилизацией из армии я служил секретарем Военного трибунала Московского военного округа и ведал там архивом, где хранились уголовные дела, рассмотренные Военными трибуналами различных соединений Действующей армии и сданные в архив Трибунала округа на хранение. Архив частично размещался в помещении Трибунала на Каляевской улице, а частично в знаменитом Андрониковском монастыре. Будучи хозяином этого архива, я имел возможность ознакомиться с сотнями дел, рассмотренных Военными трибуналами во время нахождения советских армейских частей в Германии, Венгрии, Чехословакии. Из этих дел можно было видеть, какие зверства и мародерство творили в этих

странах советские солдаты и офицеры и как ненавидело их в связи с этим местное население.

Нет сомнения, что Красная армия вела справедливую войну, что подавляющее большинство солдат и офицеров, пришедших в составе этой армии на землю Германии, Венгрии, Чехословакии, выполняли свой воинский долг честно и не запятнали себя насилиями над гражданским населением и грабежами. Но было и другое. Изнасилования приняли массовый характер. Не помогали приказы командования, трибунальские приговоры, полное запрещение общаться с женщинами из местного населения из-за венерических заболеваний.

Из дел об изнасилованиях запомнилось дело, рассмотренное Военным трибуналом одного из соединений советской армии. Возникло это дело в Венгрии сразу же после прихода туда советских войск. Пьяный советский лейтенант ворвался в крестьянский венгерский дом, выгнал мужа из дома, заперся с его женой в кладовке и пытался ее изнасиловать. Она оказала отчаянное сопротивление. Муж сорвал запор и убил металлическим стержнем советского офицера-насильника. После этого супружеская пара закопала труп убитого офицера в своем огороде. Через несколько месяцев это случайно выявилось. Супруги предстали перед Военным трибуналом. С каким достоинством держали себя перед военным судом простые венгерские крестьяне, патриоты своей небольшой страны, защищавшие женскую честь, не отступившие перед офицером-

насильником из армии, которая именовала себя освободительницей.

Из различных уголовных дел, рассмотренных Военными трибуналами Действующей армии, особенно в Германии, был виден размах мародерства со стороны советских солдат, офицеров и генералов, размах грабежа мирных граждан во время военных действий и после окончания войны. Это мародерство началось тогда, когда всем солдатам и офицерам разрешили посылать почтовые посылки домой, а высокое начальство получило возможность отправлять награбленное вагонами. Из трибунальских дел видно, что за мародерство наказывали слабо, оно по сути дела поощрялось, а высшее командование само подавало пример грабежа ценнейшего имущества из германских фамильных замков, музеев.

Я помню, как спустя много лет после Второй мировой войны, когда умер маршал Советского Союза И. С. Конев и между его двумя женами возник судебный спор о наследстве, из материалов судебного дела было видно, что стоимость лишь одних ружей и удочек, вывезенных маршалом из Германии, была достаточна для обеспечения безбедной жизни сотен людей на сто лет вперед.

Подчас трудности были лишь в отправке большого объема награбленного имущества в СССР. Известен факт, когда награбивший много вещей генерал-полковник никак не мог получить железнодорожный контейнер для отправки домой награбленного. Будучи Героем Советского Союза и пользуясь расположением

Сталина, он обратился к нему за содействием, не видя в самом мародерстве ничего предосудительного. Сталин не воспрепятствовал грабежу, но желая показать свою самодержавную, абсолютистскую власть и считая недопустимым обращение к нему по незначительному поводу, послал телеграмму: "Предоставить контейнер полковнику такому-то". Так генерал-полковник превратился в полковника, но получил возможность вывезти награбленное имущество.

"ЕСЛИ ОН БУДЕТ УБИТ, СОХРАНИТСЯ ЖИЗНЬ СОТЕН ЛЮДЕЙ"

Офицеры юстиции, служившие во фронтовых военных трибуналах, делились на две группы: оперативный состав и секретарский. В оперативный состав входили председатели и члены военных трибуналов. В секретарский состав - старшие секретари и секретари военных трибуналов.

В оперативный состав назначались только члены партии. Никакого образовательного ценза не требовалось. Главное, что имело значение при формировании оперативного состава - это политическое доверие. А оно определялось прежде всего членством в коммунистической партии, но не только этим. В оперативный состав назначались в большом числе судьи, члены спецколлегии областных и краевых судов, трибуналов и троек, особых совещаний, люди, доказавшие свою политическую

верность режиму в ходе репрессий 1937 и 1938 годов.

После окончания Московского юридического института и курсов Военной юридической академии я был послан в начале войны на Южный фронт вместе с моим однокашником Иваном Башкатовым. Поскольку Иван Башкатов был членом партии, а я – беспартийным, Председатель Военного трибунала Южного фронта корвоенюрист Матулевич назначил его членом Военного трибунала, а меня – секретарем. Наличие у меня к тому времени высшего юридического образования и успешное окончание мною курсов Военно-юридической академии значения не имели. Главное – доверие политическое, принадлежность к правящей партии.

В результате такого отбора в оперативный состав, главным образом по политическим признакам, получилось так, что в этом составе оказалось много людей малообразованных, туповатых, беспринципных службистов, согласных бездумно и жестоко осуществлять любую директиву, исходящую сверху. Это привело к серьезным последствиям, ибо во фронтовых военных трибуналах предметом рассмотрения были дела двух различных категорий.

К первой категории условно могут быть отнесены дела, которые я бы назвал справедливыми делами. Это дела, когда на скамье подсудимых сидели старосты, полицейские, жандармы, эсэсовцы, бургомистры, совершившие кровавые преступления, или явные дезертиры, членовредители, спекулянты, расхитители.

Ко второй категории условно могут быть отнесены дела, которые отличались особой сложностью, ибо по этим делам жизнь боевых солдат, офицеров, а подчас и генералов могла быть несправедливо исковеркана, или они могли вовсе лишиться жизни. Это были дела, когда "СМЕРШ" или особый отдел фабриковал ложные политические обвинения, обвинения в попытке перехода на сторону противника, надуманные обвинения генералов и офицеров в том, что они вопреки приказу Сталина № 228 допускали отступление своих войск с позиций, назначенных к обороне.

При рассмотрении дел второй категории судебные ошибки становились неизбежными. Судьбы тысяч людей исковерканы и сотни людей лишились жизни в результате "деятельности" той части оперативных работников военных трибуналов, которые подбирались по признакам политического доверия.

Эту "деятельность" наиболее близко наблюдали лица из секретарского состава военных трибуналов. Как правило, это были люди более образованные, и они обычно отмечали между собой, кто из оперативных работников особо свирепствует и из-за кого гибнут боевые офицеры и солдаты, в действительности не совершавшие того, в чем их обвиняли и за что их осуждали. О таком члене трибунала говорили: "Если он будет убит, сохранится жизнь сотен людей". А в изменчивой фронтовой обстановке перспектива быть убитым была реальной для каждого работника трибунала.

Мне запомнился жаркий июльский день 1942

года, когда наш трибунал 12-ой армии Южного фронта во время отступления расположился на усадьбе крестьянского дома в станице Келермесской. Там была поставлена грузовая автомашина, на которой наш трибунал передвигался по военным дорогам вместе с отступающей армией. Мы откопали на случай нападения немецкой авиации щель. Но самолеты появились внезапно. Старший секретарь нашего трибунала Горев и я находились тут же у походного столика и при атаке самолетов на наше расположение просто легли на землю, до щели мы не успели бы добежать. Председатель трибунала Васильев и другие успели залезть в щель.

Член нашего трибунала Ракул крикнул Васильеву: "Бежим в кукурузу" и побежал сам. Когда самолеты улетели, то мы увидели, что тяжелейшее ранение в спину получил хозяин этой усадьбы, который уже имел ранение в руку и был дома в краткосрочном отпуске. Я видел, что вся спина у него разворочена и видны легкие. Были и еще раненые. Рядом была убита лошадь. Осколки попали в нашу автомашину. Спустя несколько минут кто-то прибежал из кукурузы и позвал нас туда. Там в небольшой воронке от бомбы лежал убитый член трибунала Ракул. В его офицерской планшетке оказались уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, пробитые осколками. Мы завернули его в простыню. Похоронили. И, зная, что мы из этой станицы уедем сегодня, а завтра сюда придут немцы, на его могиле поставили лишь дощечку, на которой выжгли при помощи линзы и солнечных лучей только

его фамилию Ракул. О том, как погиб Ракул, я рассказал лишь для того, чтобы читателю было ясно, как близко каждый на фронте, даже не на передовой, а в трибунале армии, ходил у смертельной черты.

Но Ракул не относился к тем членам трибунала, смерть которых спасла бы сотни жизней. Ракул был молодым юристом, у него было мало знаний и опыта, но он добросовестно стремился выносить справедливые правосудные приговоры.

Мне запомнился этот день и потому, что с самой лучшей стороны проявил себя старший секретарь нашего трибунала Горев. Его смелость, спокойствие, выдержка, отсутствие паники и деятельная помощь другим восхищали меня. Он спокойно и умело стал оказывать помощь раненым сразу, как только улетели немецкие самолеты. Горев был в прошлом московским журналистом и настоящим русским интеллигентом.

Кстати, о смелости. Я убедился в том, что многие крикливые рубахи-парни, болтавшие в спокойной обстановке о своей фронтовой смелости, при возникновении на фронте реальной опасности терялись, проявляли трусость. А вот сугубо гражданского вида интеллигенты типа Горева отличались смелостью и вели себя достойно и мужественно.

Горев как человек в высшей степени порядочный был до глубины души возмущен подобранными по политическим признакам членами трибунала, которые из-за своей тупости, служебного рвения или карьеры шли на осуж-

осуждение невиновных, на вынесение неправосудных и жестоких приговоров. Свои мысли по этому поводу Горев и другие секретари боялись высказывать открыто из-за того, что особисты и смершевцы неукоснительно следили за всем, что происходит в трибунале. Мне Горев доверял и говорил со мной на эту тему неоднократно.

Говорил со мной об этом же уже в другом трибунале секретарь, старший лейтенант юстиции Шинкевич. Это был молодой человек, по национальности белорус, родом из небольшого белорусского городка, человек интеллигентный, думающий и возмущенный "деятельностью" ряда оперативных работников. Но разговоры об этом ничего не давали. Единственное средство борьбы с их вредной "деятельностью", которое имелось в нашем распоряжении, было соответствующее оформление протоколов судебных заседаний. Когда мы секретарствовали в судебных заседаниях у этих членов трибунала, мы старались наиболее полно фиксировать в показаниях обвиняемых и свидетелей всё то, что могло содействовать их оправданию. Делали всё, чтобы приговор явно не соответствовал тому, что согласно протоколу судебного заседания выявилось в ходе судебного следствия. Это приводило иногда к отмене приговора в вышестоящей инстанции, но такие случаи были редки, ибо большинство дел в вышестоящих инстанциях не рассматривались.

ЖЕНЩИНЫ ВО ФРОНТОВЫХ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛАХ

За время войны мне довелось служить во многих фронтовых военных трибуналах. Среди членов и председателей трибуналов женщин не было. Женщины были секретарями и машинистками, работали самоотверженно, часто в тяжелых условиях. Многие из них, как и в других армейских подразделениях, превращались в то, что на фронте называлось "ППЖ" (полевая походная жена). Такое сокращение возникло, ибо у всех на устах было другое сокращение. Военная почта официально называлась ППС – полевая почтовая станция, а неофициально ППС еще расшифровывалось как постоянный перловый суп. Часто ничего другого, кроме перловки, в военторговских столовых на фронте не было.

Иногда женские секретарские кадры в Военный трибунал попадали случайно. Помню, как во время отступления с Украины весной 1942

наш Военный трибунал 12-ой армии Южного фронта два-три дня находился в знаменитом донбасском поселке Краснодоне, где позже развернулась деятельность "Молодой гвардии". Краснодон готовился к сдаче немецким войскам. Советские власти подожгли местную электроподстанцию, чтобы она не досталась немцам. Ярким пламенем горели масляные выключатели электростанции, ибо там находилось много килограммов масла, и пламя было такое, будто зажгли сразу тысячи лампад. В это время к нам в трибунал пришла местная девушка Таня и попросила взять с собой, чтобы не оставаться у немцев. Этого не разрешалось делать, но девушка была симпатичная, говорила, что умеет печатать на машинке, и ее взяли. Она потом долго служила в нашем трибунале, прошла с ним тяжелый путь, переправлялась под бомбежкой через Дон, дошла до Северного Кавказа и попала в Военный трибунал Туапсинского оборонительного района. Находилась все время под опекой секретаря нашего трибунала, женщины, являвшейся ППЖ председателя трибунала, но Таня ППЖ не стала.

Женские кадры секретарей попадали во фронтовые военные трибуналы и в организованном порядке. Военкоматы в тылу производили мобилизацию девушек на фронт для службы в военных трибуналах. Когда группа таких девушек прибывала в Военный трибунал фронта или Военный трибунал группы войск, туда приезжали председатели трибуналов дивизий и армий выбирать себе секретарей. Это были своеобразные смотрины.

В каждой дивизии штат военного трибунала состоял из двух человек: Председателя трибунала и секретаря. Заседателей для слушания дел и обслуживающий персонал брали из войсковых частей. В штатном расписании было напечатано: "Секретарь (жен.)". Слово в скобках, естественно, было сокращением от слова "женщина", но председатели трибуналов трактовали эти три буквы по-другому, добавляли к ним букву "а" и получалось слово "жена". Поэтому председатели трибуналов дивизий выбирали себе на этих смотринах не просто секретарей, а полагающихся, как они утверждали, по штатному расписанию жен, а точнее ППЖ.

Условия для поддержания брачных отношений между трибунальскими мужчинами и ППЖ были сложными. Беспрерывная смена места расположения, нахождение все время на людях, отсутствие возможности для уединения. Проще было в Военных трибуналах армий, находившихся в обороне, или в Военных трибуналах оборонительных районов, когда трибунал долго находился на одном месте, имел соответствующее помещение.

Подполковник юстиции Островский был Председателем Военного трибунала 12-ой армии. Он имел ППЖ, которая опекала Таню из Краснодона, о которой уже шла речь. Хотя ППЖ были явлением весьма распространенным и все об этом знали, но официально это осуждалось. Особо нетерпимо относились к этому моралисты из политорганов. И вдруг чрезвычайное происшествие: мало того, что у Островского ППЖ,

но внезапно у него пропал партийный билет. В условиях фронта это считалось сверхчрезвычайным происшествием.

Искали этот билет везде и всюду. Искали даже в трибунальских делах. Но искать в делах было бесполезно, их Островский никогда в руки не брал. Изучением дел, подготовкой приговоров занимались только подчиненные ему члены трибунала. Куда делся его партийный билет, так и не удалось выяснить. Специальная комиссия Политуправления армии рассматривала его персональное партийное дело. Но Островский, очевидно, имел высоких покровителей. Он получил партийное взыскание, но остался в партии и в прежней должности Председателя трибунала 12-ой армии.

Когда 12-ая армия отступала с Украины в район Туапсе и там был создан туапсинский оборонительный район, трибунал 12-ой армии был преобразован в Трибунал Туапсинского оборонительного района и его председателем остался Островский.

Трибунал разместился в стандартной квартире обычного дома в пригороде Туапсе. В этой квартире одна из комнат была кабинетом Островского, где он и ночевал. В нашем трибунале, помимо офицерского состава, женщин - секретарей и машинисток, было четверо пожилых солдат, обслуживавших трибунал. Они топили печи дровами, паковали и отправляли корреспонденцию. Это были добрые, хорошие люди, дорожившие легкой службой в трибунале. Как-то поздно вечером все работники трибунала, включая председателя, сидели в

одной из комнат и беседовали. ППЖ председателя со всеми не было. Она лежала на диване в кабинете председателя и ждала его прихода. В кабинете было темно. Вдруг в кабинет кто-то вошел. ППЖ решила, что это председатель, вскочила с дивана и бросилась целовать вошедшего. Но это был не председатель, а солдат, который занес вязанку дров для печки. Когда к нему бросилась ППЖ, то дрова рассыпались и смущение было и с той, и с другой стороны. Солдат быстро вышел, но на следующий день рассказал мне об этом эпизоде. Рассказал он об этом позже и другим. И вскоре о том, как рассыпались дрова в кабинете председателя трибунала, знали все.

Это был просто забавный эпизод. Возмущение у меня вызывало другое. Помню, в начале 1943 года наши войска освободили Краснодар и там разместился Военный трибунал Северо-Кавказского фронта. Я приехал туда по служебным делам из трибунала армии. Медали и ордена тогда были еще большой редкостью, даже у тех, кто с первого дня войны был на фронте. Смотрю на секретарей трибунала фронта, молодых женщин, а у них на груди ордена и медали. Всем было ясно, за что получены эти награды, но все же наиболее дотошные задавали той или иной Маше или Клаве вопрос о том, за что она получила награду, и в ответ можно было услышать нахально и без всякой застенчивости произносимые слова: "За боевые заслуги!".

ЕВРЕИ ВО ФРОНТОВЫХ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛАХ

Во время службы в различных военных трибуналах Красной армии во время Второй мировой войны я убедился, что в их составе среди председателей, членов и секретарей трибуналов было очень мало евреев.

Это было удивительно, ибо я привык со времен студенческой молодости в Московском юридическом институте и затем курсов Военно-юридической академии, что в юриспруденции евреи занимают значительное место. В Московском юридическом институте и Военно-юридической академии ведущие профессора и преподаватели были евреями. Среди них академик И. П. Трайнин, член-корреспондент Академии наук СССР А. Н. Трайнин, член-корреспондент Академии наук М. С. Строговин, профессор А. А. Герцензон, профессор Б. С. Утевский и другие.

Среди студентов Московского юридического института было много студентов евреев не только из Москвы, но и с Украины и Белоруссии. Здание института было рядом с московской консерваторией, и часто брат учился у нас, а сестра – в консерватории, или наоборот. Евреев среди студентов-юристов было так много, что в общежитии института в Козицком переулке, что на улице Горького у Елисеевского магазина, часто в комнате из четырех проживающих трое были евреями, а один русским и к нему шутя обращались: "Эй, нацмен, открой форточку!".

Когда началась война, сотни молодых юристов, окончивших в это время юридические институты в Москве, Ленинграде, Харькове и Минске, попали на курсы Военно-юридической академии. Я был среди них. В нашем курсантском батальоне было столько молодых евреев с Украины и Белоруссии, знавших идиш, что я помню, как в большой группе курсантов строем возвращался из театра, и ребята в строю хором запели еврейскую песню на идиш.

Вскоре наш курсантский батальон закончил быстрое обучение по программе Военно-юридической академии и нас разослали по фронтам. Но фронтов было много, и поэтому среди попавших в это время на Южный фронт я был единственным евреем. Имело значение и то, что многие окончившие курсы Военно-юридической академии получили направление на фронт не в военные трибуналы, а в военные прокуратуры. По-разному сложились их судьбы. Так, мой однокашник по Московскому юридическому ин-

ституту Зейда Фрейдин был направлен на службу на фронт в Военную прокуратуру на должность военного следователя. При быстром наступлении немцев он оказался на оккупированной территории, но не попал к немцам, а пришел в свой родной, оккупированный немцами, Курск и там скрывался.

Когда Курск был освобожден Красной армией, советские власти арестовали Зейду Фрейдина, подвергли серьезным репрессиям, и он уже по окончании войны не мог работать юристом, а работал товароведом в системе потребительской кооперации. По логике советских властей Зейда Фрейдин как еврей должен был быть уничтожен немцами, а если он остался жив, то тут что-то не то, и они обрушили на него удар своей репрессивной машины.

Среди работников трибунала, где мне приходилось служить, я очень часто оказывался единственным евреем. Антисемитизма я не чувствовал. Наоборот, приходилось слышать разговоры другого рода, особенно среди солдат, обслуживавших трибунал. Я, как и все офицеры военно-юридического состава, носил в петлицах изображение щита с двумя мечами. Солдаты мне говорили, что когда немцы захватывают офицеров с такими знаками различия, то расстреливают их сразу, а тебя как еврея расстреляют тотчас. Мне казалось, что они меня особо оберегают от всяких случайностей.

В их действительной дружбе я убедился при таких обстоятельствах. На нашем фронте сложилась очень тяжелая обстановка, наша армия отступала и наш трибунал армии вместе с ней.

В это время у меня сломались очки; сломалась дужка, держащая их на носу, и очки нельзя было носить. Без очков мне было бы очень плохо. И вот на привале, используя подвернувшиеся материалы, наши солдаты сделали медную пластинку и маленькими заклепками прикрепили ее к обеим частям оправы, и тем самым мои очки снова стали одним целым и ими можно было пользоваться. С этой медной пластинкой на очках я еще ряд лет двигался по дорогам войны, ибо других очков было достать негде. У меня на всю жизнь сохранилась добрая память об этих русских парнях, выручивших меня в тяжелую минуту.

Но большой интерес представляет не отношение к евреям внутри трибуналов, среди служащих в нем, а отношения, возникавшие при рассмотрении трибунальских дел. Когда в нашем трибунале слушались дела старост, полицейских, бургомистров, жандармов, когда на скамье подсудимых вместе с ними сидели эсэсовцы, а я участвовал в рассмотрении этих дел всего лишь в роли секретаря, то ловил на себе особые взгляды обвиняемых.

Ведь за судейским столом сидели Председатель и два члена трибунала русские, а я был еврей и это легко было определить по моей внешности. А обвиняли их в разных преступлениях, но всегда среди прочего фигурировало обвинение в акциях, направленных против евреев, либо в прямом уничтожении евреев, либо в присвоении изъятого у евреев имущества. Обычно обвинение в антиеврейских преступлениях в этих делах было центральным, наиболее

тяжким, самым кровавым, и когда они видели еврея – советского офицера, сидящего сбоку от судейского стола и фиксирующего всё происходящее на судебном процессе, им становилось явно не по себе.

Я чувствовал это неоднократно. Но однажды получил бесспорное подтверждение моего наблюдения. Я участвовал в качестве секретаря в Военном трибунале Армавирского гарнизона в судебном процессе над начальником Армавирской полиции Сосновским. Его обвиняли среди прочего в акциях по уничтожению евреев. Во время слушания дела он изредка посматривал на меня, и я ловил его взгляд. Спустя несколько дней начальник конвоя, возившего Сосновского из тюрьмы и в тюрьму, старшина Соколов рассказал мне, что Сосновский говорил им: "Я едва жив, готов к смерти, в трибунале мне было очень плохо и особо плохо становилось, когда я смотрел на черненького секретаря, уж очень похож этот секретарь на тех евреев, которых мы по приказу немцев расстреливали".

И все же при том, что во фронтовых военных трибуналах евреев действительно было очень мало, на дорогах войны мне встретились евреи, которые внесли в военное время заметный вклад в деятельность военных трибуналов. Среди них, например, Председатель Военного трибунала Черноморской группы войск Гринrот, член Военного трибунала Северо-Кавказского фронта, бывший преподаватель Московского юридического института подполковник юстиции Турецкий, член Военного трибунала

гарнизона майор юстиции Белостоцкий, член Военного трибунала армии, а потом округа майор юстиции Михаил Семенович Брайнин, председатель Военного трибунала Воронежского, а в прошлом Забайкальского военного округа генерал-майор юстиции Ревзис. Эти люди добросовестно выполняли свой воинский долг и долг военных судей, осуществлявших правосудие в суровых фронтовых условиях.

СОДЕРЖАНИЕ